

П

Алексей
Колышевский

ПАТРИОТ

Власть

ЖЕСТОКИЙ
РОМАН
О НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕЕ

Алексей Кольшевский

**Патриот. Жестокий роман
о национальной идее**

«ЭКСМО»

2008

Колышевский А. Ю.

Патриот. Жестокий роман о национальной идее /
А. Ю. Колышевский — «Эксмо», 2008

Роман «Патриот» – это книга о тех, кто любит Родину... за деньги. За деньги налогоплательщиков. Вчерашнему откатчику Герману Кленовскому поручают возглавить приоритетное направление – внедрение в неокрепшее мозги идеи "вертикали власти". Гера понимает, что работать надо с интернетом. Именно там собирается огромная аудитория – лояльные граждане и будущие бунтари. Одним словом, электорат, который нужно обратить в новую веру – патриотизм.

© Колышевский А. Ю., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Очень маленькое предисловие, которое все-таки было написано с тем, чтобы его прочитали	5
Часть I	6
Пролог	6
Как завербовать... олигарха	9
Шпионы, как мы	14
Девятый подъезд	18
«Свой» и «Ресурс Змея»	22
То, чего все ожидали с самого начала	26
Ветеран запаса	32
В зоне понимания	36
Ненависть	43
Часть II	48
Fuck	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алексей КОЛЫШЕВСКИЙ ПАТРИОТ. ЖЕСТОКИЙ РОМАН О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ

*Моей старшей дочери, моей прекрасной Анастасии, решившей
посвятить себя журналистике, посвящаю я эту книгу.
Храни тебя Господь, Милая!*

Очень маленькое предисловие, которое все- таки было написано с тем, чтобы его прочитали

Этот роман является, по сути, продолжением романа «Откатчики», хотя чересчур сильно он с ним не связан. Так, может быть, лишь несколько отголосков эха из романа-предшественника. Больше автору добавить нечего, кроме того, что я прошу у всех читателей прощения за употребленную в романе ненормативную лексику. Увы, в литературе еще не научились «запикивать» матерные словечки, а обойтись без них, передавая колоритную речь персонажей, не получается. «Так не лучше ли, чем мучить читателя плоскими героями, сделать их по-настоящему живыми?» – подумал я. И... сделал.

Часть I

На службе Его Величества

Пролог

Свет...

Свет бывает разным: иногда это мягкий полумрак спальни, где умирают от счастья двое, иногда это приятно-болезненное солнце, от которого невозможно, да и не хочется прятаться – ведь такой свет большая редкость в Москве. Но этот свет не был похож на что-то из памяти. На что-то, с чем можно было бы сравнить его. Он шел откуда-то изнутри того, что находилось впереди, и невозможно было понять происхождение его источника. Казалось, что вот-вот, и он откроется, станет виден внутреннему зрению, но в то же время рассудок, уцелевшие остатки которого в ужасе сжались сейчас в один жалкий шарик, рассудок, что был вдребезги разбит маленьким твердым предметом и, словно крошечный метеорит, летящий с невероятной скоростью, пробив обшивку космического корабля, лишил его обитателей воздуха, – рассудок возродил сам себя. Заставив собраться вместе уцелевшие частички. И сейчас то, что вновь могло чувствовать, то, что называется у кого-то душой, всеми силами не хотело узнать: что же это за место, которое излучает столь необычный и пугающий, непостижимый свет. Свет, к ядру которого вел черный, с гладкими стенками тоннель.

Затем тоннель стал расширяться, прямота его трубы исчезла. Она извивалась словно гигантская змея, и то в одном, то в другом месте тело этой змеи вздувалось, готовое вот-вот лопнуть. Всякое движение по тоннелю прекратилось. Свет впереди не потух, а, наоборот, стал еще сильнее, и вдруг после очередного, самого болезненного и резкого спазма стенки тоннеля исчезли. Тело змеи распалось изнутри, и вот уже не осталось ничего, что ограничивало бы свет. Он бил отовсюду, и он был везде. Лишь поменял свою пугающую ожидаемость на наступивший и оттого уже не страшный абсолют.

Свет был везде, и вначале ему казалось, что он повис в этом свете словно в невесомости. Спина не чувствовала твердости стола, руки ничего не ощущали, глаза не могли показать то, что они видели. И вот откуда-то, из этого обволакивающего света появилась голова в белом, как у пекаря, колпаке. Впрочем, сразу стало понятно, что голова принадлежит не пекарю, ибо единственное, что позволяло опознать голову как таковую, были ее глаза: чуть по-доброму насмешливые, но оттого приятные и позволяющие на что-то надеяться. Все остальное скрывалось под марлевой белой повязкой. Такие повязки носят представители многих профессий, но именно эта повязка могла принадлежать только врачу.

– Так-так-так, – удовлетворенно прозвучало из-под маски, – вот мы уже и глазки открыли, вот и славно. Значит, шок прошел, значит, мы с ним справились. А глазки-то у нас со-о-всем ничего не понимают, да? Ну, ничего. Мы тебя починим, и глазки тоже, того, заработают... – Добрая голова куда-то нырнула, и вновь он оказался один в этом море света. Затем вдруг откуда-то сбоку произнесли голосом похожим на голос головы:

– Где там носит УЗИ? Я должен тут вприсядку сплясать, что ли, для того чтобы они со своей всезнайкой вовремя являлись? Что? Уже пришли? Ну, вот и славно. Давайте-ка мне снимки. Так-так... Все как я и думал. Ну что ж... Поехали? Мотор!

«Почему он сказал «мотор»? При чем тут мотор? Кто же так говорит? Кажется, режиссер на съемочной площадке. Но при чем тут режиссер и кино? Не бывает режиссеров в колпаках и масках».

– Анестезия!

– Я!

– Маску ему.

– Есть.

«Что это? Хорошо-то как... Уплываю. Только бы куда-нибудь подальше от этого света. Уплыть так, чтобы никогда его больше не видеть».

Люди в колпаках, масках и белых халатах боролись за его жизнь долгих восемь часов. Тот самый маленький метеорит, разбивший душу на крошечные части, засел глубоко в теле и никак не хотел покинуть своего места. Торговался. Собирался зацепиться хоть за что-нибудь, но его все же вытащили.

Хирург отделения неотложной хирургии института Склифосовского, умница и виртуоз Павел Мечников аккуратно положил пулю на застеленное марлей дно эмалированной посуды, удовлетворенно хмыкнув:

– Сорок пятая моя. Прямо юбилейная!

– Вы гений, Павел Константинович, – прошептала в ответ сохнувшая по хирургу медсестра Оленька и покраснела.

– Вы, Оленька, не краснейте, вам не идет. Что, в самом деле, за проявления женственности во время операции. Пять лет наблюдаете, как людей режут, а все как будто девочка с первого курса. Лучше скажите, как там больной?

– Все в порядке: пульс в норме, давление поднимается до нормального показателя.

– Ну, раз так, то будет жить. Да... Всякое видел, но чтобы выжить после такого ранения... Впрочем, еще раз убеждаешься, что медицина наука неточная, и слава богу! Ведь умереть должен был по всем правилам. С таким подарком, – он кивнул в сторону пули, – отправляются куда подальше. Ждет его кто?

– Жена ждет. Как привезли его, она так и сидит под дверями блока, не уходит, – подал голос один из ассистентов.

– Тем более хорошо. Хорошо, что у парня такая жена настоящая. Так и надо, – усмехнулся хирург, – когда такая жена есть у человека, то имеет смысл жить дальше. Знаешь, что есть одна душа, которая, как там, в песне, поется? «Тебя вовеки не предаст». Ладно... Снимаем парня со стола, перекладываем на каталку и отвозим в интенсив. Пусть ночь полежит, посмотрим, как он после второго рождения себя станет чувствовать. Оленька, вы табличку на каталку повесили или опять как всегда?

– Ой, извините, Павел Константинович, сейчас повешу.

– Не забывайте, ведь сто раз говорил. – Мечников хотел рассердиться, но ему нравилась Оленька, да и сорок пятая по счету извлеченная пуля не давала повода для плохого настроения. – Как там его звать-величать?

– Сейчас гляну, Павел Константинович. Да где же у меня тут было записано-то? А, вот: Герман. Да, точно. Герман Кленовский. Сейчас сделаю табличку и отвезу его в реанимационное отделение. А вы... домой?

– Оленька, вы лучше его отвезите и ко мне в кабинет зайдите потом, расскажете, что там с больным, хорошо?

Оленька просияла и почувствовала, как в низ живота мгновенно ударила теплая волна. Задохнувшись от желания, она не смогла ответить, лишь несколько раз кивнула...

...Он пришел в себя на рассвете. Первым, что увидел, был потолок. Попробовал покрутить головой, сначала вправо, потом влево. Слева, на стуле, сидела Настя и дремала. Сон сморил ее несколько минут назад, а все остальное время она провела у его постели, прислушиваясь к дыханию своего Геры. Он захотел позвать ее, но понял, что с выражением своих мыслей с помощью голоса придется подождать: говорить не получалось. Тогда он, постаравшись, чтобы

это не походило на стон и не испугало ее, принялся тихо мычать. Настя открыла глаза, взглянула на него. Ее глаза выражали покой, и никакой тревоги в них не было.

– Ты коровка?

Он чуть улыбнулся и немного покачал головой: «Нет. Я не коровка».

– Тогда зачем ты мычишь? Больно говорить? Ничего. Доктор сказал, что это пройдет. Что-то хочешь сказать? А давай я дам тебе ручку и подставлю блокнот. Напишешь мне?

Он кивнул. Как мог, ослабевшими пальцами взял авторучку, приложил ее к бумаге и кривыми, наезжающими одна на другую буквами написал: «Привет, малыш. Я вернулся. Ты рада?»

Настя лишь прижалась лицом к его руке.

Все осталось позади: и майор Давыденко, не поверивший в смерть Геры, и на удивление быстро приехавшая вызванная им «Скорая», дежурившая в аэропорту, и женщина-врач, когда-то работавшая в чеченском полевом госпитале, которая благодаря этому своему жизненному обстоятельству точно знала, что надо делать в таких случаях. И вызванный по рации вертолет МЧС, домчавший в Склиф по воздуху летящего в этот момент по черному тоннелю Геру.

А потом тоннель лопнул. Просто он стал не нужен.

Гера вернулся.

Как завербовать... олигарха

Оставим на время нашего воскресшего героя. У него впереди долгий путь к выздоровлению и ограниченная на это время жизнь: режим, лекарства... Лучше поглядим, что же случилось после того, как империя «Юксона» развалилась и остатки ее превратились в пыль, которую унес тот самый wind of change, воспетый однажды наивными пенсионерами из группы «Скорпионс».

Борис Хроновский, как и предсказывал старичок Гадва, был осужден на десять лет и водворен в одно из исправительных учреждений на севере страны. То, что произошло с ним, имело свою предысторию. Именно о ней сейчас и пойдет речь.

Отчего-то всегда получается так, что если какой-либо бизнес принадлежит больше чем одному человеку, то бизнес этот можно считать заранее обреченным. Это как в абсолютной монархии, как в любой диктатуре: есть один, кто сидит на троне, и он владелец ста процентов акций. Только в этом случае можно рассчитывать, что это самое предприятие просуществует в течение приличного срока. В «Юксоне» было по-другому, да и не только в «Юксоне»: шумными «бракоразводными» процессами между вчерашними партнерами по бизнесу переполнены новостные ленты газет и интернет-сайтов. И, как при любом разводе, одна из сторон всегда остается недовольной, так и партнерам по бизнесу редко удается решить свои дела «полюбовно». Здесь и бесконечные судебные процессы, и сливы грязного компромата через те же самые газеты и сайты, и даже стрельба «по-ковбойски» – это когда наемные «ковбой» расстреливают вчерашнего партнера прямо из автомобиля или находясь верхом на мотоцикле, после чего с радостными криками куда-то улепетьваются, и милиция ищет их «след в прерии» долгие годы, что весьма сложно, так как следы в прериях исчезают быстро.

В империи под названием «Юксон» абсолютной монархии не было. И незачем идеализировать образ Бори Хроновского: нет там ничего, что можно было бы идеализировать, но Боря, как ни странно, думал, что у него есть друг. Самый настоящий друг, преданный и честный. И Боря настолько верил в эту дружбу, что не видел ничего неразумного и странного в том, чтобы отдать своему другу часть «Юксона» во владение, а вот друг, хоть и не имел ничего против Бориной щедрости, со временем стал втайне его ненавидеть. Объяснять причины его ненависти долго, они банальны и уж точно из тех, что уходят корнями в самую древнюю, изначальную историю человечества. Многие журналисты, «передрав» это друг у друга, назвали Борю Хроновского после его ареста современным Монте-Кристо. Возможно, это и так. Возможно, что если Боря когда-нибудь попадет на волю, то где-то на затерянных офшорных счетах белопесочных и голубоводных Багамских островов ждут его несметные, отмытые сокровища. Вот только добраться до этих отмытых денег Боре будет очень тяжело. Об этом есть кому позаботиться...

И если Боря – современный Монте-Кристо, то он так же, как и его предшественник и прототип Эдмон Дантес, имел своего тайного палача, ставшего впоследствии бароном Дангларом. Бориным тайным палачом стал его лучший друг по имени Петя. Тот самый «дядя Петя» Рогачев, у которого в кабинете с потолка свисал боксерский мешок, и Петя иногда, проходя мимо, бил по нему кулаком, представляя, что это и не мешок вовсе, а вполне интеллигентное, украшенное золотыми очками лицо его друга Бориса. Петя ненавидел его, и ненавидел не той медленной, иссушающей самого себя ненавистью, которая лишь идет во вред тому, кто ее содержит подобно сосуду с ртутью. Нет, ненависть Рогачева была подобна голодной змее, выползшей на охоту с твердым намерением вонзить свои ядовитые зубы в тело жертвы, получив взамен ее жизнь. Рогачев жаждал крови своего друга и, внешне оставаясь прежним, лишь ждал удобного для нападения момента, поместив голодную змею своей ненависти в засаду.

К сорока годам приобретя колоссальное и по мировым-то меркам состояние, которое он почти целиком держал за границей, получив от жизни все, о чем может мечтать человек,

Рогачев вдруг решил, что он страшно обделен судьбой. Он с неохотой, но все же признался себе в наличии сильнейшей зависти по отношению к Боре.

– Вот уж кому-кому, а «этому», – так он называл про себя своего «друга», – удалось получить от жизни все, да сверх того еще и известность!

– Мало ли, – горестно рассуждал сам с собой Рогачев, прогуливаясь в саду своего римского дворца или глядя из иллюминатора самолета на сугробистый ковер проливающих внизу облаков, – на свете богатых людей. – И отвечал сам себе: – Достаточно! Вот только к богатству еще и власть должна прилагаться. И не такая, когда ты командуешь тысячей-другой наемных сотрудников, которые все равно при этом остаются наемниками, а значит, продадут тебя в любой момент. Нет! Власть должна быть над народом, и силой ее не достичь. Как у любой коровы из стада есть пусть и слабенький, но мозг, так и у каждого из стада человеческого есть способность выполнять команды пастуха. Сделай так, чтобы выполнение этих команд нравилось каждой корове в стаде, и вот уже ты владеешь частью мира в границах собственной страны. Но я всего лишь комбайн, который идет по полю и косит баблом. А Боря – нет, ему еще и публичность подавай. Сволочь...

Хроновский не делился своими планами о президентском сроке ни с кем, включая Петра, но вся его деятельность по созданию разного рода благотворительных фондов, широко освещаемые в прессе акции в поддержку «молодых талантов» создавали ему в глазах «стада» имидж серьезного и порядочного хозяина, которому в случае чего можно доверить покрутить самый главный руль в течение, как минимум, четырех лет. Понять намерения Бори было несложно, и каждый, кто обладал хоть какой-то мало-мальской способностью анализировать, понимал, что фондами и студенческими грантами Боря не ограничится. Что впереди Борины поездки по регионам с раздачей премий и пенсий, его постоянное мелькание в проплаченных эфирах на телевидении и, как следствие всего этого, – заявка на участие в президентских выборах. И, что самое важное, Борина победа даже в том случае, если бы он эти выборы проиграл, не вызвала бы сомнений. Кандидаты в президенты народом не забываются, а наоборот, некоторые из них попадают в разряд «зажимаемых» властью и приобретают сумасшедшую популярность. Так думал Рогачев и совсем не удивился, когда за пару лет до того исторического собрания в башне «Юксона», во время которого Хроновский провозгласил себя будущим президентом самой большой страны в мире, в римском палаццо раздался телефонный звонок. Звонивший представился сотрудником российского посольства и попросил дать ему возможность переговорить с Петром Рогачевым немедленно. Петр взял принесенную слугой трубку и вместо «здравствуйте» хмуро осведомился:

– Что вам нужно?

Чиновник из посольства был предельно вежлив и говорил спокойно. Так, как могут говорить только представители особой касты – «касты высокопоставленных силовиков»: уверенно, не повышая голоса, чувствуя за собой силу.

– Вы, Петр, зря думаете, что мне нужно от вас больше, чем вам от меня. Предлагаю выяснить для каждого из нас меру нашей заинтересованности при личной встрече. Речь пойдет о дальнейшей участи вашего компаньона.

Рогачев, опасаясь провокации, осторожно ответил:

– Я вас не вполне понимаю. Кого вы вообще это представляете? Ведь вы не хотите сообщить мне, что мой загранпаспорт просрочен и мне необходимо лично явиться в посольство для получения нового?

Чиновник очень коротко назвал фамилию человека, которого он представлял, и Рогачев мгновенно изменился в лице. Понял, что звонок серьезен, на провокацию не похож: не станет провокатор представляться эмиссаром того, кто носит такую фамилию.

– Когда вы хотите встретиться со мной?

– Чем быстрее, тем лучше. Это необходимо и вам в первую очередь.

- Так приезжайте ко мне прямо сейчас, за чем же дело стало? Здесь у меня и поговорим.
- Нет, Петр. К вам я не поеду. Помимо вас в доме много людей.
- Что вы этим хотите сказать?
- У нас уже давно не телефонный разговор, да и в посольстве вас лучше никому не видеть.

Приезжайте на Вилла Боргезе, воспользуйтесь такси. Отпустите машину и поднимитесь по лестнице.

- Как я узнаю вас?
- Я к вам подойду.
- Время?

– Решайте сами. Хотите сегодня, хотите завтра, но лучше не затягивать. В Москве ждут моего доклада и вашего ответа.

Рогачев помедлил с ответом, затем, видимо, решив что-то, быстро поглядел на часы в виде яблока в руке статуи Евы, стоящей в углу кабинета, потер переносицу:

- Не очень-то мне все это нравится.
- Что именно вам не нравится? – равнодушно осведомился чиновник.
- Для чего такая конспирация? Впрочем, да... Не телефонный разговор, вы говорите.

Хорошо, я буду там. Сегодня. Ровно через час.

...Чиновник оказался самым обыкновенным «серого» вида человечком. «Крепыш» – окрестил его Рогачев с первого взгляда. Тот и впрямь двинулся стремительно, но если у больших, «фактурных» мужчин такая стремительность называется спортивностью и силой, то у таких вот крепких, невысоких «сбитней» – представителей сильной половины человечества – она выглядит именно как юркость и смотрится, впрочем, вполне аутентично и предсказуемо. Он подошел к Рогачеву сразу, как только тот поднялся по лестнице одного из входов знаменитого римского парка Вилла Боргезе. Протянул руку, представился:

- Ваш тезка, Петр. Пройдемся?

Рогачев кивнул, и они медленно пошли вперед по одной из бесчисленных парковых аллей, усыпанных мелким бурым гравием. «Тезка» начал первым:

- Не хочу ходить вокруг да около, скажу сразу: нас интересует информация о вашем компаньоне Хроновском.

Рогачев остановился и в упор поглядел на своего собеседника:

– А не кажется вам, что вы перегибаете палку, стараясь сделать из совладельца крупнейшей в стране нефтяной компании осведомителя? Чем же вы намерены мне платить? Ведь я слышал, что подобные услуги оплачиваются, не так ли? Но со мной как раз тот самый случай, когда я сам могу заплатить вам за то, чтобы вы оставили меня в покое.

Чиновник Петр досадливо поморщился, пожал плечами и достал из внутреннего кармана пиджака свое удостоверение. Рогачев прочел на обложке: «Администрация Президента».

– Это я вам так просто показал, чтобы вы понимали, кто именно заинтересован в вашей помощи.

- Удостоверение опричника – это не доказательство.

«Тезка» с удивлением поглядел на Рогачева так, словно впервые его увидел:

– А что же, по-вашему, может являться доказательством? Мне у него, – он ткнул пальцем в небо, – что ли, просить письмо с подписью? Вы меня просто послушайте внимательно, а уж потом сами для себя решите, соглашаться или нет. Пойдет?

Рогачев кивнул.

– Ну, так вот, – продолжил человек с удостоверением, – я приехал сюда специально для того, чтобы передать вам следующее: Хроновский начинает действовать кое-кому на нервы, причем довольно сильно. Не тем он занимается, по нашему мнению. Лезет не в свой огород.

Зарвался. Фонды создает, молодежные движения, словом, всерьез решил сыграть в политические шахматы.

Рогачев перебил его:

– Я могу поговорить с ним. Могу сказать, чтобы он остановился, и, поверьте, меня он слушает.

Чиновник лишь с улыбкой покачал головой:

– Нет. Вас он не слушает. Он вообще никого не станет слушать, такой уж он человек. Мы за ним давно наблюдаем и имеем представление о том, что он собой представляет. Берега он давно потерял. Но, – «тезка» говорил почти шепотом, так что Рогачев даже затаил дыхание, чтобы расслышать и ничего не пропустить, – вы ведь человек разумный и даже более чем. Вы-то понимаете, что не надо испытывать терпение, – он вновь ткнул указательным пальцем вверх, – и мы вам предлагаем альтернативу.

– Альтернативу чему?

– Тому, что может с вами случиться, если Хроновский будет изолирован.

Рогачев всплеснул руками:

– Что значит «изолирован»?! Вы хотите сказать, что Бориса посадят?

Чиновник ответил прежним полупшепотом:

– Я повторяю, он как козел, который лезет в чужой огород, а за это козла наказывают в присутствии других, чтобы всем сразу было понятно: здесь нечего делать.

Рогачев вновь поморщился:

– Не могли бы все-таки избегать ваших аллегорий? Как-то, мягко говоря, необычно, когда человека с состоянием в несколько миллиардов долларов называют «козлом».

– Хорошо. Тогда прямым текстом говорю: если он выдвинет свою кандидатуру на президентских выборах, то сядет в тюрьму, и надолго. Так надолго, что, возможно, и не выйдет оттуда вовсе.

Рогачев кивнул:

– Понятно. Кто же захочет делиться? Мне это хорошо известно. А какие у вас планы насчет компании?

– «Юксон» перестанет существовать, Петр. Ведь вы прекрасно знаете, кому Хроновский собирается продать долю бизнеса.

– Не понимаю, о чем вы.

– Да все вы прекрасно понимаете. Американцам, вот кому! Ресурсами страны торговать нельзя – это преступление. Налоги «Юксон» не платит, и вы играете во всем этом не последнюю роль. Думаете в Италии отсидеться? Это можно, но зачем вам становиться невозвращенцем? Вы же не завербованный ЦРУ Березовский, которого мы просто выкинули из России как паршивую овцу. Вы нормальный гражданин, семья у вас замечательная, бизнес серьезный.

– Что вы все ходите вокруг да около? Вы мне прямо скажите, чего вам нужно от меня, какие у вас гарантии? Я не чувствую себя слабым, поверьте. И меня придется заинтересовать чем-то совершенно особенным. И вообще я не понимаю, с чего вы взяли, что я стану стучать на собственного компаньона и друга, которого знаю уже лет двадцать?

Чиновник вежливо захихикал, прикрыв рот рукой:

– Да никакой он вам не друг. Мне-то уж не говорите ерунды. А то, что я вам предлагаю, вовсе не на безвозмездной основе находится. Во-первых, вас никто не тронет. Можете въезжать, выезжать, заниматься бизнесом, словом, жить, как жили. Это тот минимум, который, если вдуматься, вовсе минимумом не является, как не является минимумом свобода.

– Если есть «во-первых», то есть и «во-вторых», не так ли?

– Да... – чиновник испытывающе поглядел на Рогачева, – есть и во-вторых.

– И что же это?

– Возможность.

– Простите, я перестал вас понимать.

– Возможность купить себе билет в новую жизнь. Вас сложно чем-либо удивить, я понимаю, но если вы уступите свою долю «Юксона» государству и поможете перевести оставшиеся активы в государственную собственность, то вам будет предложено место, которое даст право иметь вот такое же удостоверение, как у меня. Что вы на это скажете?

Рогачев медлил с ответом, тянул время. Вероятность такого конца «Юксона» никто не прогнозировал, но он, Петр Рогачев, всегда помнил, что играть в игры с государством занятие для идиотов, а он таковым не являлся.

– У меня будет время подумать?

– А я и не тороплю с окончательным ответом по второму пункту. Понимаю, что принять решение тяжело. Но по первому вам необходимо дать ответ прямо сейчас.

Рогачев вдруг разозлился. Вспомнил самодовольное лицо Бориса, его ироничную ухмылку и слова: «Ты, Петь, словно моя тень, и никто, кроме меня, тебя не видит». Неожиданно всплыла какая-то прошлая студенческая обида: на третьем курсе в «Губкине» Хроновский «увел» девушку Рогачева, на которой тот планировал жениться. Увел просто так, на месяц поиграться. А потом бросил ее. «Он вообще людей всегда вот так бросал, с легкостью, сволочь, – подумал Петр, – ну его к чертовой матери, в самом деле. Чем я рискую? И на верность я ему не присягал. Тоже мне царь Соломон нашелся».

Рогачев еще раз схватился за переносицу, яростно потер ее пальцами так, словно совсем собирался оторвать собственный нос, и ответил:

– Я согласен.

Шпионы, как мы

Вначале Рогачева забавляло все это новое «шпионство»: так он называл свою деятельность по сливу информации на самого себя. Чиновник Петя оказался не просто сотрудником Администрации Президента, а очень высокопоставленным сотрудником Администрации Президента и плюс к тому имел генеральские погоны с зелеными полосками. В Москве они не встречались ни разу: Рогачев носился по всему свету, часто ночуя в самолете и завтракая то над Атлантическим, то над Тихим, то над Индийским океаном. Своей охране он не мог доверять так же, как доверял раньше, ведь «тезка» – обладатель зеленых погон дал ему понять, что помимо его, Рогачева, у администрации полно осведомителей в «Юксоне», причем на самых разных уровнях. Их встречи проходили в парках Нью-Йорка и Бостона, в ресторанах Вены и Парижа: «контора», как называл свою организацию генерал, денег на его поездки не жалела.

...Здесь надо бы сказать несколько слов о том, кто такой этот генерал Петр Сеченов, откуда он взялся, словом, что это за птица села на плечо к Рогачеву и, по-видимому, не собиралась улетать. Петя в школе был секретарем комсомольской организации, вел активный половой образ жизни, принуждая к этому же образу многочисленных пионервожатых, и после школы подался в партийный какой-то институт, откуда перевелся, и весьма удачно, в МГИМО. Из МГИМО Петя прямым ходом отправился в «лесную» школу КГБ СССР и, окончив ее с отличием, был направлен для работы в американскую резидентуру, где провел несколько успешных вербовок среди военнослужащих военно-морской базы Норфолк, за что и получил от коллег незлобивое прозвище Петька-Торпеда. Жизнь в качестве резидента, как правило, не бывает долгой, и Торпеда однажды угодил мимо цели. Пришлось уходить, долго и сложно. «На хвосте» у генерала Пети висели американская военная полиция и агенты ФБР, но Петя сумел добраться до Кубы, откуда его с оказией и вывезла российская подводная лодка, совершавшая кругосветное плавание. По прибытии в Москву Петю представили к награде, тайно и без помпы наградили и перевели в госаппарат. На дворе был юбилейный 2000-й, Старик сделал наконец-то всей стране долгожданный подарок, заявив о своем уходе, на его место заступил крепкий, подвижный и здоровый человек, тоже обладатель зеленых погон, и очень быстро все крупные посты в правительстве и госаппарате оказались заняты коллегами Торпеды и крепкого, подвижного человека. Это, с одной стороны, было очень удобно, хотя бы потому, что не надо было никого ни с кем знакомить, народ этот был дисциплинированным, на работу не опаздывал и никогда не пьянел, а это отличное качество для государственного чиновника высокого уровня. Но с другой стороны, никакой особенной инициативы от этой дружной компании в зеленых погонах не исходило и приходилось, хочешь не хочешь, «разбавлять» их зеленый муравейник муравьями других пород, чтобы не было, так сказать, инцеста на высоком уровне. Так появились в правительстве самые разные, порой весьма примечательные люди. Затесался между ними даже один всамделишный гомосексуалист, которого пришлось срочно женить, дабы избежать излишнего роптания в народе.

Генерал Петя «рос», как он любил говорить, «вместе с Россией». Также «вместе с Россией» росло и его благосостояние, и вскоре оно, это состояние, стало настолько «благим», что Торпеда перестал даже просматривать выписки со своих многочисленных банковских счетов, предоставив заниматься этим своей жене. Крепкий человек очень ценил генерала Петю за его выдающиеся качества и несомненную добродетель и патриотизм. Это выражалось в том числе и в карьерном росте: в течение первого года нового века Торпеда стал одним из наиболее влиятельных членов президентской администрации – самой значительной и полномочной структуры в стране. Не занимая официально даже пост заместителя руководителя, генерал Петя заставлял всамделишных замов вскакивать с места одним своим видом. Кто-то из них так

однажды и признался ему, мол, как видишь вас, Петр Валерич, так и хочется «вытянуться во фронт». Ему поручали самые ответственные и сложные задания, и вот, наконец, когда в самых высоких кулуарах прозвучало слово «Юксон», генерал Петя понял, что близится, прямо-таки с курьерской скоростью летит на него долгожданный лавровый венок победителя, и рьяно взялся за дело. Завербовав около сотни сотрудников самого разного уровня и проанализировав полученную от них информацию, Торпеда понял: все, что ему нужно, – это Петр Рогачев. Заполучив его согласие, генерал Петя вознесся под облака, и многие при его появлении не только стремились побыстрей встать из-за своего удобного, палисандрового стола, но даже падали в обморок от избытка впечатлений, которые вызывал этот «фактурный» человек.

Впрочем, о согласии Рогачева слить своего компаньона знали лишь трое: сам Рогачев, генерал Петя и крепкий, подвижный человек. За короткое время Рогачев передал генералу Пете несколько чемоданов ксерокопированных и подлинных документов, молчаливых свидетельств незаконного обогащения «Юксона» за счет предъявления «Юксоном», вместо выполнения своих налоговых обязательств перед налоговой системой, среднего пальца правой руки. За чистую нефть выдавался буровой раствор, за который вообще никто ничего не платил. Гера Кленовский придумал великую аферу со скупкой законсервированных нефтяных скважин. Фирмы-однодневки продавали нефть «Юксона» за рубеж, а полученные деньги «пуляли» на офшорные счета «Миллениум-банка», президент которого проницательный итальянец Филиппе Ангелони приобрел привычку радостно потирать руки при очередном известии о «миллионе из России», поступившем на счет его пиратского банка. О Борисе Хроновском было известно решительно все, вплоть до количества посещений им туалета в течение суток. Ждали лишь «дня Че», и он наступил именно в момент, когда на том самом историческом совещании в башне «Юксона» Хроновский открыто объявил себя будущим президентом России.

Немедленно после окончания этого эпатажного действия Рогачев позвонил генералу Пете и сказал всего одно слово:

– Началось.

Генерал Петя был также немногословен и бросил в трубку:

– Добро. Понял.

Через час Рогачев сидел в салоне своего самолета, который держал курс на Лондон – прибежище богатых и вороватых авантюристов со всего мира, а Борис Хроновский, ничего не подозревая, готовился пойти в Кремль на встречу олигархов с президентом. На этой встрече все произошло словно в повести Гоголя «Вий».

– Поднимите мне веки, не вижу, – сказал страшный Вий.

Ему подняли веки, и он указал на злосчастного Хому Брута. Нечисть набросилась на бедного философа, и тот упал бездыханным.

Так же примерно было и на том совещании: крепкий человек, веки которого предварительно поднял генерал Петя, указал на Хроновского пальцем, и все, кто отрастил когти, набросились на него, схватили и бросили в тюрьму. Они растерзали бы его, но времена наступили иные. Откуда ни возьмись появились какие-то никчемные правозащитники, госдеп США, как всегда, вылез со своей «озабоченностью», и Хроновского лишь осудили. На десять лет.

А что же Рогачев? Рогачев сидел в Лондоне и торговался с генералом Петей. Даже он, Торпеда, не мог, не имел права лишить Рогачева части акций «Юксона». Это привело бы к колоссальной международной огласке, а «строители вертикалей» не хотели лишнего шума, тем более что арест Хроновского и без того вызвал настоящий девятый вал скандальных публикаций и репортажей, как в России, так и за рубежом. Генерал Петя звонил в Лондон по несколько раз и увещевал Рогачева вернуться. В конце концов они пришли к компромиссному решению. Операция с подкупом судей, которые должны были вести процесс Хроновского, была придумана ими в два счета, в качестве разменной пешки Рогачев недолго думая выставил Геру и, после того как все прошло именно так, как было запланировано, ни разу не поинтересовался

Гериной судьбой. «Зачем? Кто такой этот жалкий воришка, чтобы мне знать о месте, где его зарыли в землю», – подумал однажды Рогачев и долгое время не вспоминал о Гере, которого, как он полагал, убили. Именно так и доложили генералу Пете нерадивые помощники, сгрузившие изъятые ими в Шереметьеве-2 чемоданы с долларами на пол-Петинового кабинета и даже не удосужившиеся перепроверить эту информацию, а генерал Петя, в свою очередь, рассказал об этом Рогачеву во время очередного «телефонного моста» между Москвой и Лондоном:

– Там парнишку этого, который хотел за кордон с баблом дернуть, завалил отморозок какой-то, – сказал Торпеда.

– Да? Ну и черт с ним, – равнодушно ответил Рогачев, – хотя парень был не лишен способностей. Такой в любом деле нужен. Так что мы в результате будем делать с вашим, Петр, вторым обещанием? Я-то со своей стороны все выполнил: Борис сидит, компания потихоньку отходит к государству, а я так и не получил от вас заверений касательно своей будущей участи.

– А вы напрасно волнуетесь. Как раз сегодня решился вопрос о вашем назначении. Знали бы вы, чего для меня стоило пробить у «первого» этот вопрос. Я ведь не единолично такие дела решаю: есть куча противников, двурушников-сволочей, которые на это место своих людей двигали, и вдруг им всем как все равно отверткой да под ребро, представляете! Врагов у меня после этого добавилось, конечно. Да и черт с ними! Так что, считайте, место ваше.

Рогачев расхохотался. Он смеялся долго и не мог остановиться, так что генерал Петя, давно убравший телефонную трубку от уха, чтобы не оглохнуть, и держащий ее перед собой, подумал, что, верно, у лондонского «сидельца» не все в порядке с мозгами. Наконец Рогачев отхохотал и с желчью в голосе произнес:

– Вы со мной в детские игры, что ли, играете? Какое такое «место»? Вы хотите, чтобы я вам поверил, вернулся в Россию и на меня мгновенно надели кандалы и бросили к Боре в камеру?

Генерал Петя скрипнул зубами от злости и, едва сдерживая себя, процедил в трубку:

– Никто вас ни в какие кандалы заковывать не станет, прекратите валять дурака! Как мы и договаривались, вы продаете на аукционе свои акции, переводите половину от вырученной стоимости куда следует, а сами въезжаете в кабинет руководителя отдела президентской администрации, то есть становитесь по должности даже выше меня! Устраивает вас такое положение вещей?

Рогачев покрутил в пальцах какую-то безделушку, кажется, бриллиантовую запонку, и ответил:

– Я выставлю свои акции на торги только после того, как во всех газетах, в Интернете и на телевидении пройдет официальная информация о моем назначении. Только тогда я пойму, что вы не ведете со мной двойной игры. Это мой окончательный ответ.

Генерал Петя неожиданно успокоился:

– Это вообще ерунда. Завтра же все услышите и увидите своими глазами. Большой помпы не обещаю, ведь вы не премьером становитесь, но во всех ключевых СМИ информация появится обязательно. Так что выбирайте: либо сидеть в Лондоне и ждать, когда на вас подадут в международный розыск, а ваше имя пока что вообще нигде не фигурирует, все в рамках наших договоренностей, либо вернуться в Россию и стать уважаемым человеком, делающим для своей страны полезное дело. Да и акции ваши пока хоть что-то стоят, а ведь скоро ими можно будет подтереться, не более того. Государство согласно их выкупить и вернуть вам ни много ни мало половину стоимости!

Рогачев бросил играть с бриллиантовой запонкой и машинально отшвырнул ее в сторону.

– Ладно, договорились. Завтра прямо с утра включаю ОРТ и жду информацию о самом себе. Если все будет так, как вы сказали, то лететь мне до Москвы, сами знаете, недолго. Скажу своим, пусть самолет под парами держат. До скорого, тезка.

- До скорого, уважаемый Петр Сергеевич.
- О! Это что-то новое в наших отношениях, – сиронизировал Рогачев.
- Так ведь теперь ноблиссе облиге, как говорится, – парировал генерал Петя и криво ухмыльнулся.

Девятый подъезд

Утром следующего дня в восьмичасовых новостях Первый канал Общественного российского телевидения показал сюжет о «перестановках и новых назначениях, проведенных в Администрации Президента РФ». Кого-то перевели на другую работу, кого-то повысили, а кого-то и вовсе отправили в отставку. И в самом конце, когда диктор уже собиралась перейти к другой теме, вдруг в бегущей строке перед ее глазами, в той самой, которую не видят зрители, появился некий текст, и диктор, молодая симпатичная женщина, машинально, на всю страну прочла:

– Также главой информационно-политического департамента Администрации Президента РФ назначен Рогачев Петр Сергеевич, 1967 года рождения...

Петр нажал кнопку вызова прислуги, попросил принести ему свежих московских газет и везде увидел свою фотографию и даже какую-то придуманную, мало что общего имеющую с настоящей биографию. Из информации, напечатанной в «Коммерческом вестнике», выходило, что он, Петр Рогачев, долгое время являлся топ-менеджером их с Хроновским совместного банка АМЕНХАТЕП, а затем тем же самым «топом», но уже «Юксона». Ни в чем «таком» замечен не был, никакой собственностью в «Юксоне» не владел и так далее и тому, знаете ли, подобное.

– Ловко у тетки получается, – хмыкнул Рогачев, – так, значит, я теперь глава информационно-политического департамента? Отменно! Еще бы знать, что это такое и с чем это едят, но, как говорится, «боссу незачем вникать в суть». Так что прилетим – увидим.

Рогачев стремительно оделся, вызвал машину и приказал везти себя в аэропорт. Проходя по коридору, вдоль спален домашних, столкнулся со своей заспанной супругой. Та, позевывая, дежурно спросила:

– Далеко собрался?

– В Москву, Рита, за колбасой, – попробовал отшутиться Рогачев, соорудив на лице умильную гримасу.

Супруга мгновенно встрепелась – от недавней сонной истомы не осталось и следа.

– Да ты в своем уме, Петя! Они тебя посадят! Господи, – запричитала было она, – ну почему ты у меня такой глупец!

– Во-первых, не я у тебя, а ты у меня, – холодно оборвал ее Рогачев, который давно не любил свою жену и сейчас был даже рад тому, что она остается в Лондоне, откуда он и не думал ее вызывать, – во-вторых, я еду работать первым после бога, и меня это возбуждает гораздо больше твоих причитаний!

Рита лишь притворно вздохнула, мол, «делай как знаешь, милый», получила от давно не любимого ею мужа контрольный поцелуй в щеку и юркнула в дверь своей спальни.

Рогачев тут же забыл о ней. Его годами доведенная до совершенства и филигранной точности интуиция, словно барометр, предсказывала ясную, безоблачную погоду и комфортное атмосферное давление. И так как все его мысли были заняты предстоящим вступлением в должность, он и предположить не мог, что немедленно после того, как его пусть и нелюбимая, но все же законная жена, мать его детей, закроет за собой дверь его спальни, она с победоносным воплем сдернет с себя какой-то замысловато-кружевной пеньюар и, отбросив его в сторону, радостно воскликнет:

– Ура! Он уперся! Наконец-то!

Слова эти были адресованы ее личной служанке по имени Бесс, которая, будучи совершенно нагой, раскинулась на огромной кровати в позе морской звезды. Через секунду эти двое слились в долгом лесбийском поцелуе, и Рита мысленно пожелала своему мужу подольше не возвращаться обратно.

... В Москве Петра встречали в зале официальных делегаций Шереметьева-2 двое сугубо официального вида мужчин, в одном из которых Рогачев без труда опознал генерала Петю, другого он тоже знал: где-то встречались раньше, только вот Петр никак не мог вспомнить, где именно. Мужчины обменялись крепким рукопожатием, уселись в совершенно черный микроавтобус с такими же черно-непропускаемыми стеклами, сзади пристроилась машина сопровождения, из открытых окон которой торчали автоматные стволы охранников, и небольшой кортеж, резво взяв с места, покотил в Москву.

Как только уселись и Петр ослабил на шее впившуюся галстучную удавку, его тезка подмигнул, причем получилось у него так ловко, что и Рогачев, и третий человек с позабытым именем приняли это дружелюбное подмигивание каждый на свой счет.

– По маленькой, – заявил Торпеда, – за знакомство. – Он извлек из бара бутылку хорошего коньяка, три больших «обкомовских» хрустальных стакана и маленькую тарелку с тремя тоненькими кружками лимона. – Насчет закусить, товарищи-господа, извиняйте: услуга прощиталась. Вы, кстати, знакомы?

Рогачев немного виновато улыбнулся:

– Нет. Вернее, мне ваше, – он поглядел на третьего человека, – лицо знакомо, а вот имя я как-то совсем позабыл. Извините – дорога была долгая, то да се...

– Поплавский, – представился мужчина, – Егор Юльевич Поплавский, политолог. Глава фонда политических инноваций, или в просторечье ФИПа.

– Ах, вот оно что... Главный манипулятор умами в этой стране?

Поплавский смущенно хрюкнул. Он вообще был немного похож на хрюшку: такую с первого взгляда добродушную и безобидную, но при более внимательном рассмотрении впечатление менялось. Чувствовалось, что у хрюшки железные зубы и хватка Джека-потрошителя.

– Да скажите уж... Впрочем, в чем-то вы, безусловно, правы: влияем, направляем, рисуем картинку правильную для народа. Вот и вас хотим к этому делу подключить.

– Ну, за встречу, – вмешался в их разговор генерал Петя, разлив каждому по полстакана.

– Да ни к чему вы это, – поморщившись, ответил на приглашение выпить Поплавский, – впереди серьезный разговор, а вы тут со своими военно-полевыми традициями.

– И правда, товарищ генерал, – поддержал Поплавского Рогачев, – я-то алкоголь не особенно уважаю. Эта дрянь успешному человеку не товарищ.

– Ну и черт с вами, – беззлобно ответил Торпеда, – а я традицию не нарушу. – С этими словами генерал Петя влил в себя содержимое своего стакана, крякнул и вместо закуски понюхал кожаный ремешок своих часов.

Поплавский и Рогачев проследили за траекторией движения генеральского стакана и продолжили разговор.

– Скажите, Егор Юльевич, вы буквально в двух-трех словах мне можете описать то, что я должен буду делать? Чего, так сказать, ждет от меня Отчизна на новом поприще? Я ведь бизнесмен, а значит, враг народа. Вы же, – он поочередно ткнул указательным пальцем в сторону Поплавского и генерала, – отчего-то решили, что мне нужно заняться именно внутреннеполитическими вопросами. Согласен, что место, за которое я отвалил в пользу родного государства ни много ни мало полтора миллиарда долларов, – довольно статусное, но я боюсь, как говорили раньше, еще при совдепах, «завалить участок».

Поплавский поправил съехавшие на кончик носа золотые очки и ответил:

– Видите ли, Петр Сергеевич, как бы вам сказать...

– Да вы скажите как есть, я постараюсь разобраться, – ухмыльнулся Рогачев.

– Н-да... Ну, так вот, одним словом, наша с вами государственность, и бывшая и нынешняя, во всем цивилизованном мире вызывает хроническое недоверие. Отсюда все эти громкие попытки России заявить о себе на международной арене, и, сами знаете, зачастую все это похо-

дит на танцы медведя в посудной лавке. Объяснение тому есть: мы, да и вы теперь, занимаемся вопросами, так сказать, внутренними и делаем это на высоком профессиональном уровне, чему свидетельство полное отсутствие сколь-нибудь значительных народных волнений. А внешнюю политику делают, – Поплавский брезгливо поморщился, – жлобы. Те самые каменножопые жлобы, которые унаследовали свою каменножопость еще от Молотова. Они давно пережили свое время, но сдаваться не хотят и, более того, плодят себе подобных, пестуя горе-дипломатов в стенах Института международных отношений. Недаром наша современная дипломатическая школа одна из худших в мире. – Поплавский даже фыркнул от негодования. Видно было, что эта тема не дает ему покоя уже долгое время. – Но в свое время и до нее дойдут руки. Сейчас важно удержать достигнутый уровень доверия к власти внутри самой страны, а уровень этот штука очень зыбкая и, прямо вам скажу, катастрофически ненадежная. Старикам и тем, кому сейчас за пятьдесят, еще можно показать сюжет о замачивании террористов в унитазе, а вот молодежь... – Егор Юльевич сделал паузу и сокрушенно вздохнул, – молодежь отбивается от рук. Я не говорю сейчас о наркотиках, алкоголе и уровне преступности – все эти показатели зашкаливают, особенно в регионах. Вылечить ситуацию можно, но для этого необходимо вдолбить в твердые лбы юнцов какую-то общую идею.

– Национальную! – громко подхватил захмелевший генерал Петя и залихватским жестом махнул второй стакан коньяку.

– Да нет... Не надо совсем уж громких слов. Сразу национальную идею не придумать, вернее, не построить. И она должна быть действительно общей, а я говорю о том, что понравилось бы молодежи. Вы понимаете, к чему я клоню, Петр Сергеевич?

Рогачев покосился на оставшийся стакан с коньяком и пожал плечами:

– Да как-то, если честно, не совсем.

– Ничего страшного. На самом деле все очень просто: вам необходимо любыми способами повысить среди молодежи уровень лояльности к собственной стране. Поймите же, наконец: чем раньше мы с вами сделаем это, тем дольше сможем жить в свое удовольствие. Говорю это с несвойственной мне прямолинейностью, но лучше вырастить племя рабочих муравьев, чем, не замечая их существования, оказаться в один совершенно непрекрасный момент лицом к лицу с силой, направленной против нас. И тогда прощайте бизнес, гламур и все тридцать три удовольствия. Эта сила срывает под корень все Рублевское шоссе, предварительно спалив его дворцы дотла, а светских львиц, которые не успеют удрать, изнасилует и повесит на фонарных столбах вниз головой. Армию посылать будет бесполезно: полуголодные офицеры уже не станут стрелять в детей, скорее, они охотно перейдут на их сторону. Конечно, кто-то будет стоять за всем этим, но кто именно это будет, уже неважно. По крайней мере, для нас с вами.

– Факт! – развязно откликнулся генерал Петя и выпил третий стакан коньяку, лишив Петра призрачной надежды на снятие стресса. – И кстати, товарищи интеллигенты и олигархи, мы приехали.

Маленький кортеж въехал на территорию Кремля со стороны Боровицких ворот. Машина сопровождения, ввиду ее теперешней ненадобности, отстала, а микроавтобус проехал через всю кремлевскую зону и остановился у трехэтажного корпуса, лишь недавно со скандалом отреставрированного албанской строительной фирмой и хитрющим пройдохой-прорабом, изрядно погревшим на этой реставрации руки. А после отгремевшего скандала назначенным послом то ли в Гондурас, то ли в ту же самую Албанию – бог весть куда.

Троица вылезла из автобуса, и поочередно, один за другим, мужчины вошли в дверь, над которой имелась мало что говорящая непосвященному человеку табличка с надписью «Девятый подъезд». Эта часть Кремля была закрыта для туристов, а те, кому необходимо было бывать здесь по какой-либо необходимости, прекрасно знали, что означает этот «девятый подъезд».

Прошли мимо офицера охраны – капитана с зелеными погонами, поднялись в лифте на четвертый этаж. Рогачев поразился мрачности интерьера этажа: очень слабые, словно во время военной светомаскировки, немногочисленные электрические лампочки, стены, обшитые черными панелями, – все это разительно контрастировало с той деловой обстановкой, к которой давно уже привык Рогачев: мрамор, красное дерево, ультрамодные интерьеры... Словом, роскошь здесь и не пахло.

– Нам налево, – отчеканил генерал Петя и первым вошел в просторный коридор, ведущий в северное крыло корпуса.

Пройдя около сотни шагов, они оказались перед массивной двустворчатой дверью, справа от которой была прикреплена табличка с именем какого-то чиновника, а слева Рогачев увидел табличку со своим именем: «Директор информационно-политического департамента Рогачев Петр Сергеевич. Каб. 11».

Поплавский распахнул дверь, жестом пригласил всех войти, и они оказались в большой комнате с тремя фикусами в кадках, двухкамерным холодильником, стульями, креслами и массивным письменным столом, за которым сидела немного полноватая, приятная женщина-секретарь и бойко печатала, пулеметно стуча клавишами персонального компьютера. Увидев вошедших, она прекратила печатать и, не вставая, вежливо улыбнулась:

– Таня.

Рогачев, невесело окинув ту половину ее фигуры, которая возвышалась над столом, дежурно представился:

– Петр Сергеевич.

– Очень приятно. Чайку сделать? – не меняя тона, спросила Таня.

– Да работай ты, Танюх, – развязно ввинтился в разговор генерал Петя. – Мы вот с Егор Юlichem твоему новому начальнику его апартаменты покажем и уйдем, а вы уж тут сами с ним решайте, чайку или кофейку или, может, мороженое с танцульками.

Таня кивнула и вновь застучала по клавиатуре.

Кабинет оказался довольно вместительным: диван, шкафы с прозрачными дверцами и с непрозрачными дверцами, большой телевизор, журнальный столик, стол для заседаний, придвинутый к большому письменному столу, по виду очень массивному и тяжелому, а на стене, над столом, портрет президента.

Рогачев кивнул на портрет:

– Он хочет меня видеть сейчас?

Генерал Петя переглянулся с Поплавским и очень серьезно ответил:

– Президент, Петр Сергеевич, он не ставит задачи. Президент, он с вас, Петр Сергеевич, в свое время стребует, тогда и встретитесь. Вот так вот.

«Свои» и «Ресурс Змея»

И началась у Рогачева совсем другая жизнь. Ушли в прошлое авральные ночные звонки и полеты на частном «Джете» вдоль экватора, а вместо этого появились: подъем в семь часов утра, водные процедуры, яичница и автомобиль с тремя «Аннами» на номерных знаках, прибывающий за Петром каждое утро в одно и то же время. В девять переродившийся олигарх сидел в своем кабинете и целый час, а то и два занимался тем, что ничем не занимался. Вернее, он, разумеется, не просто сидел и разглядывал, скажем, дверную ручку или, закинув руки за голову и полулежа в кресле, изучал потолок и портрет президента на стене, нет. Он, по его собственным словам, «шарился в Интернете».

...Здесь необходимо сказать и несколько слов об интересных свойствах того самого портрета, который висел за спиной Рогачева. Такие портреты, написанные в старинной манере одним известным художником, фамилия которого не то Глазурин, не то Жиров, есть в кабинете каждого «чиновника с мигалкой» и отличаются одним забавным свойством. Не случайно они написаны именно в старинной манере: глаза с портрета словно смотрят на обитателя кабинета, в каком бы месте он ни находился. И можно, вполне можно услышать, как какой-нибудь пассажир сине-проблескового лимузина, отдыхающий в выходной на своей даче в кругу близких и находясь под добродушным хмельком, рассказывает следующее:

– Отобедали мы с Ястрибинским в «Желтом море», все спокойно обсудили, и вернулся я к себе. Дверь закрыл покрепче, секретарше сказал, чтобы ни с кем не соединяла, а сам на диване пристроился отдохнуть. Так ведь ничего из этого отдыха не вышло!

Тут кто-нибудь из приглашенных – выходцев из того же круга – с пониманием дела спросит:

– Смотрит?

И захмелевший дачник, сокрушенно покачав головой, ответит:

– Смотрит. И так, знаете ли, становится не по себе, что мысли о послеобеденном отдыхе сами собой убегают. Встанешь с дивана на портрет не глядя и поскорей за стол. Когда за столом сидишь, так хоть глаз его не видишь...

Что же касается Интернета, то Рогачев открыл Всемирную паутину для себя именно от скуки. Каждый день в промежутке между десятью и одиннадцатью утра приходил Поплавский, и они подолгу обсуждали самые разнообразные проекты. Собственно, Петру и не приходилось ничего выдумывать самому: для этого существовал Поплавский с целым штатом веселых безумцев, именующих себя то «креативщиками», то «модераторами общественного мнения», то еще как-то, столь же вычурно и замысловато. Рогачев лишь выслушивал соображения Поплавского по тому или иному вопросу, просматривал смету и, если не имелось возражений, давал очередному «общему проекту» зеленый свет. К чести Рогачева надо сказать, что еще ни разу он не подписывал сметы Поплавского в их первоизданном, созданном не знающей границ фантазией «Юлича» виде. Именно здесь и нужен был тот самый «синдром собственника», которым болен каждый, кто хоть когда-то «мутил» собственное дело. Взятки Рогачева не интересовали, денег у него было, по любому счету, достаточно, и смета грустного Поплавского безжалостно резалась пополам, а затем еще и еще. Поплавский возражал, возмущенно краснел, вскакивал с места, зачем-то брался за дужки очков, отчего еще больше становился похож на хрюшку, но ничто не помогало. В конце концов пастырь веселых безумцев с возмущением соглашался и забирал свою смету для переделки.

Однако его возмущение было не более чем театром одного актера, так как смета и в «располовиненном» виде не имела ничего общего с действительными расходами и в несколько раз их превышала.

Самым первым детищем, появившимся на свет стараниями Рогачева-чиновника и Поплавского-выдумщика, стала молодежная организация под названием «Свои». Денег на «Своих» выделялось тоже по-свойски, то есть очень много, и набранные по рекомендациям лидеры «Своих» активно и с успехом их «осваивали», устраивая факельные шествия вокруг озер Подмосковья или маршируя по московским улицам с портретами президента и флагами. Никакой особенной пользы от деятельности «Своих» никто не ощущал, но в том, что такая организация должна была по-явиться, никто и не сомневался. Молодежные организации существовали всегда и при любом режиме: комсомол при совдепах, гитлерюгенд при Гитлере, и вот теперь появились «Свои».

Начальник «Своих», юркий тридцатилетний «живчик» Гриша, похожий на перезревшего пионервожатого, вызывал в Рогачеве внутреннее сострясение. «Сучий хлыщ... – думал про него Рогачев, – но заменить его некем». «Свои» довольно быстро расплозились по всей стране, благо финансировались они прямо из госбюджета и проблем с тем, где проводить свои собрания, хранить портреты и флаги, а также униформу: кепки-бейсболки с надписью «Свои», майки, на которых был изображен двуглавый орел, и трехцветные нарукавные повязки, не было. Живчик Гриша разъезжал по Москве в серьезном тонированном «БМВ» с шофером и всеми силами старался, чтобы ни один рядовой член движения никогда об этом не узнал.

– Ты, Гриша, будь попроще, – как-то сказал ему Рогачев, – твоя задача сопляков под знамена ставить, а не показывать, что ты на проценте от меня сидишь. Понял?

Гриша послушно кивал, всеми силами пытался угодить и понравиться новому боссу и однажды, когда увидел вдруг на столе у Петра книжку известного писателя, хулигана и матерщинника, то мгновенно «сделал выводы» и спустя несколько дней, втайне от Рогачева и стремясь произвести на того самое хорошее впечатление, за казенный счет закупил огромное количество книжек этого самого скабрёзного литератора. После чего организовал их публичное сожжение на одной из столичных площадей. Прodelав все это при огромном скоплении прессы и недоуменных граждан, Гриша заявился в девятый подъезд за похвалой, но вместо нее получил от Рогачева выговор, а от прямолинейного и бесхитростного генерала Пети, оказавшегося в тот момент в кабинете Рогачева, Гриша заработал молниеносный короткий хук в нос, после которого упал на ковер и захныкал:

– Ы-ы-ы, за что-о-о-о?

– За то, мудила, – распалившись, зарокотал генерал Петя, – что без спросу такую херню в центре Москвы учинил!

– Я не понимаю, Гриша, – поддержал его Рогачев, – ты на кого работаешь? На нас или на этого говнописца? Ты ему такую рекламу сделал, что теперь его вонючие книжонки про то, как в землю русскую надо семя пускать и вместо работы соревнование на самый громкий бздеж устраивать, в каждом доме появятся. Народу любопытно стало: «А кого это там сожгли?» Ты эти мюнхенские замашки брось! У нас не Германия тридцатых годов, а Россия, и не канцлер, а президент. Таких говнописак в игнор надо ставить, а не пиарить их за казенный счет!

Словечки «игнор» и «пиарить» Рогачев добавил в свой лексикон, вдоволь пообщавшись с разнообразными личностями в Интернете. Те самые заветные утренние часы, когда не было посетителей, Петр тратил на переругивание не пойми с кем в различных интернет-форумах. Анонимность, которую давал Интернет, возможность не называть своего подлинного имени, а прикрываться псевдонимом вызывала восторг у Петра, и он охотно переругивался с каким-то Белкиным, Модестусом, Векселем, Вито и прочей разношерстной публикой, появляющейся время от времени на «Ресурсе Змея». Рогачев попал на этот сайт случайно: однажды ему попалась фотография двух совокупающихся чернокожих, и Рогачев был поражен размером достоинства самца.

– Ну и... у него, – вслух произнес Рогачев и закрыл развратную картинку. Он не особенно жаловал порнографию, тем более что Интернет ею просто кишел. От нечего делать он набрал

нецензурное название мужского полового органа в строке поиска одного из поисковых сайтов и нажал клавишу «ввод». Как ни странно, первым из сайтов, на котором встретилось больше всего упоминаний слова из трех букв, оказался именно «Ресурс Змея», ссылка на него была самой первой, и Петр пощелкал мышью по подчеркнутому названию «Змей». Перед ним тотчас же появилась фотография певца Боярского – искусный фотомонтаж, где Боярский в костюме мушкетера Д'Артаньяна и другой актер, Смирнитский, сыгравший в знаменитом фильме, как известно, Портоса, стояли с красными глазами, держа в пальцах самокрутки с марихуаной, и в облаках дыма, и подпись под этой картинкой:

– Я вижу еще один отряд, сударь!

– О... И я тоже... Вот нас вштырило...

Рогачев засмеялся. Он хохотал, он ржал как лошадь и не мог остановиться. Что-то сидевшее в нем, какое-то грязное и нездоровое начало наконец прорвалось наружу, и он громогласно смеялся, не сдерживая себя, так, что секретарша Таня, чуть приоткрыв дверь в кабинет шефа, с облегчением убедилась, что тот не сошел с ума, а причиной его неистовой веселости стало что-то, что он разглядывал на экране монитора.

– Во дают, а! – только и вырывалось у Петра по мере того, как он путешествовал по страницам «Змея». Собственно сайт представлял собой сборище графоманов, размещающих на его страницах свои рассказы, и критиков, которые, не стесняясь в выражениях, поливали их творчество отборной руганью. Прочитав несколько рассказов, Петр понял, что еще немного, и мышцы его брюшного пресса точно не выдержат. Смеялся он в течение доброго получаса и под конец, уже изнемогая, просто налег всем телом на стол и лишь тихонько всхлипывал, впервые в жизни испытал на себе избитое выражение «смеяться до слез».

С тех пор Петр стал постоянным посетителем этого сайта, и каждое утро в кабинете он начинал с просмотра картинок, прочтения рассказов и комментариев к ним. Однажды среди излияний графоманов о том, как кто из них напивался, сношался, употреблял наркотики, бил морду приезжим сезонным рабочим, и прочего подобного непечатного количества нецензурных словосочетаний Рогачеву попался грустный, пронзительный рассказ о несчастной судьбе маленького беспризорника. Назывался рассказ «Ничей». О маленьком вокзальном побирушке, восьми лет от роду по имени Пися Камушкин. Однажды он увидел аквариум с рыбками, стоящий в витрине дорогого магазина, и решил во что бы то ни стало купить его. Отогнавший его охранник злобно подшутил над Писей, заявив, что рыбок тот сможет купить за «тыщу долларов»...

У Писи не было родителей, он лишь смутно помнил две руки и раскрасневшееся лицо женщины, которая купала его в зеленом пластмассовом ушате. Из сострадания Писю подкармливала спившаяся старуха Любаня. Она покупала для мальчика молоко и булки с изюмом, на этом детство Писи заканчивалось не начавшись.

Любаня попала под поезд, о булках Пися и не вспоминал, все копил на рыбок. Деньги: милостыню в виде медяков и серебряной мелочи – он складывал в пакет с изображенной на нем красивой, но немного грустной девушкой. «Не грусти, – разговаривал с ней Пися, – скоро купим рыбок. Вот будет радость!»

Наконец, когда пакет был полон, Пися решил, что этого вполне достаточно для покупки аквариума. Он отправился в магазин, там его вновь остановил охранник, со смехом выбил у Писи пакет из рук, и монетки рассыпались...

Пися плакал, собирая их. Потом с зареванными глазами побрел куда-то, хотел было перейти дорогу, но его сбил самосвал.

Заканчивался рассказ попаданием Писи в рай, где тот встретил свою Любаню. Она улыбалась и звала к себе. В руках Любаня держала молоко и булки.

Рогачеву после прочтения этого рассказа стало тошно. И не потому, что он, несмотря на свой космический статус небожителя, на то исключительное положение в обществе, лишь повысившееся после его нового назначения, вдруг посочувствовал к этому несчастному безпризорнику. И не оттого, что он принял прочитанное близко к сердцу, нет. Он, скорее, с удовольствием размазал бы автора рассказа по стенке, а почему – и сам не знал. Наверное, потому, что люди, которые едят с золотых тарелок, не любят, когда не пойми откуда к ним в тарелку попадает муха. Муха, отвратительная, отливающая зеленым перламутром навозная муха. Тогда эти люди орут, визжат и у них начинается истерика. Муха никак не вписывается в их жизненную систему, в привычный уклад, и они и слышать не хотят ни о какой мухе. Рогачеву показалось, что границу его собственного любимого им мира только что безжалостно нарушили. Вне всякого сомнения, написавший этот рассказ был если и не полноценным Достоевским, то, во всяком случае, талант у него явно присутствовал. Рогачев поднял глаза вверх, туда, где в самом начале был написан псевдоним автора. Перед тем как начать читать, Петр не поинтересовался, кому принадлежит этот рассказ, но сейчас с непередаваемым чувством дежавю он смотрел на псевдоним, ник автора. А ник был из двух слов: Гера Клен.

То, чего все ожидали с самого начала

Рогачев еще раз поглядел на два слова, которые почти что всем живущим на планете Земля никогда бы ничего не сказали, а ему, Петру Рогачеву, при виде двух этих слов отчего-то сделалось немного печально. А потом это небольшое сделалось многим, и Рогачев невесело вздохнул:

– Да... А все же неплохой был парень, хоть и ворюга. Иной не ворует, а толку от него как от козлицы молочища: век не дождешься. А этот и сам хитропопил, и мне в карман рекой текло. И надо же, кто-то почти что его полным именем назвался. Посмотреть, что ли, что еще написал?

Рогачев зашел на персональную страничку Геры Клена и обнаружил на ней ссылки на полтора десятка рассказов. Принялся читать. Первый был о том, как некто работал во французской винной компании и облапошил ее так, что после этого французики с плачем покинули Россию. Рогачева рассказ повеселил, и он опять долго и всласть посмеялся над историей очередного плута и мошенника. Этот же плут и мошенник перекочевал на страницы второго рассказа: на сей раз он был брачным аферистом. Написано было грамотно, со знанием дела, и Рогачев даже удивился, до чего гадостным способом некоторые вынуждены зарабатывать на жизнь. Рассказ повествовал о том, как плут решил, выражаясь языком автора, «натурально съехать» из России и для этого, отковыряв где-то с замшелой стены чулана 60-летнюю американку двадцать первой свежести, женился на ней. Читая о приключениях этого горе-эмигранта, Петр выпил подряд залпом два стакана холодной «Перье», так как постоянный гогот явно обезвоживал организм.

Наконец Рогачев добрался до последнего рассказа под названием «Путь крысы» и с первых строк понял, что он знает автора лично. Иначе и быть не могло, чтобы тот с таким горестным юмористичным самобичеванием пересказал историю, которая была прекрасно известна Петру Рогачеву и в которой сам он выступал под именем Пети-олигарха. Рогачев словно еще раз прожил некоторые недавние мгновения собственной жизни, и по прочтении рука его сама собой потянулась к телефону.

– Алле, Таня, а ну-ка зайди ко мне!

Таня, неся впереди себя чувство собственного достоинства, появилась в его кабинете через две минуты, хотя на это ей нужно было потратить не больше пяти секунд. Все эти две минуты Рогачев в нетерпении стучал по полу каблуком своего сделанного из молодого крокодила ботинка и синхронно барабанил по столешнице подушечками пальцев так, словно он тренировался для участия в конкурсе «Человек-оркестр», и, когда Татьяна наконец вошла, приготовился рывкнуть на нее, однако та опередила его своим преснодежурным:

– Чайку?

– Нет, бл... – чуть было не вырвалось у Петра, – скажите шоферу, чтобы принес мне мой телефон из машины, я что-то не могу его найти.

– Хорошо, – вымолвила немногословная секретарша и вышла вон.

– Господи, какие в «Юксоне» были телки, – вымолвил вслух Петр, – а здесь эта коряга со своим гребаным чаем.

Шоферу пришлось ехать за телефоном к Рогачеву домой, а тот перезвонил по внутреннему генералу Пете и попросил его зайти.

– Не, не могу, – позевывая, ответил генерал Петя, – сам заскочи, если тебе так нужно, а то мы вчера с мужичками по шашлычку вдарили и у меня особой охоты двигаться что-то нету. Лежу тушкой в кресле и не желаю даже пальцем пошевелить. Я ведь, Петя, человек-то уже старый, да и здоровье не то. Я после литра раньше совел только, а теперь вот, вишь ты, болеть удумал.

– Ладно, зайду сейчас, – проскрипел Рогачев и поднялся из кресла. Перед тем как выйти из-за стола, еще раз глянул на экран монитора, где продолжал светиться текст рассказа Геры Клена. – Неужели все-таки он? – пробормотал Рогачев и пошел к генералу «в гости».

...– У тебя компьютер включен? – спросил Рогачев генерала Петю, покосившись на лежащий на генеральском столе ноутбук.

– А? Кто? Что? Ах, компьютер! Да на кой мне компьютер-то, Петь? Мне бы соточку сейчас и на даче в баньку залезть поправиться, а ты компю-у-у-тер.

– Включи. Дай-ка я сам.

– Да что у тебя с лицом-то? Что случилось-то? – Торпеда из расслабленного полулежачего состояния мгновенно перешел в наступательно-боевое, сгруппировавшись в своем кресле так, словно он был наводчиком, сидел в башне танка и готовился вдарить по немцам.

– На вот, почитай.

– Чего читать-то надо, где? Очки надо... Так, ну что там еще, – пробормотал генерал Петя, начиная вчитываться в рассказ о крысах. – Ух ты! – через минуту воскликнул он. – Ты гляди-ка! Это ж о твоей конторе бывшей кто-то правду написал. Кто это такой смелый нашелся?

– А ты вверх погляди. А то я тоже сперва на имя автора внимания не обратил.

– Гера Клен... Клен, Клен... Деревянная какая-то фамилия. И чего это за птица такая, откуда так хорошо все знает?

Рогачев постучал себя кулаком по лбу:

– А ты не догадываешься? Никаких соображений не имеется на сей счет?

Генерал Петя выпятил нижнюю губу, немного помолчал, видимо, обдумывая что-то, и сказал:

– А ведь очень даже может быть. Мы и не проверяли.

– Вот-вот, «не проверяли», а парень-то, может, живой оказался!

– Ну, чего ты суетишься, тезка, как глупая курица на насесте? Ну, выжил он, допустим, так что с того?

– А ты не понимаешь?

– Нет. Не понимаю, – усмехнулся генерал Петя и решительно налил себе кипяченой воды из стоящего рядом остывающего чайника. – Вот сушняк у меня, вот это мне, допустим, понятно, а живой он, этот твой Герман, или мертвый, – не вижу разницы. Хотя, конечно, упустили мы, тут я сплеховал.

– Ты не понимаешь, что этот Гера много чего знает, и если он такие рассказы публикует на сайте, где вместо того, чтобы работать, околачивается куча разного народу, то среди них может и журналистик какой-нибудь оказаться. Не наш, конечно, нашим-то мы давно сказали, что им надо писать, а какой-нибудь импортный шелкопер тему враз срисует, и куда нам потом с этим?

Генерал Петя отставил свой стакан с противной теплой водой и нахмурился:

– Слушай, у нас кто генерал, ты или я? Правильный ответ – я. Мне виднее, понял?! Так что давай, разговорчики в строю. Хотя, наверное, твоя правда, нам сейчас со-о-всем не нужно, чтобы иностранцы визг поднимали свой пороссячий, мол, «демократию зажимают», «инвестиции делать опасно» и прочий бред. С «Юксоном» покончено, и ворошить угли, которые потухли, незачем. Вот, – Торпеда ткнул пальцем в портрет, внимательно смотрящий на них и, казалось, прислушивающийся к словам их беседы, – ему не понравится. Так что ты предлагаешь, Петр?

Рогачев покачал головой:

– Не знаю... Если это Кленовский и он действительно выжил, то надо бы его найти.

– Ну, это самая маленькая проблема. А если не он?

– Я все же думаю, он это. Есть у меня внутренний голос, который подсказывает, что наш Гера просто так не сдался.

– Ладно... А что это за сайт такой? Одни сплошные матюки и слова какие-то непонятные, вон погляди: «пелотка», «вотка», «шышки», «боян»... Что за язык такой?

– Падонки, – нехотя ответил Рогачев и невольно улыбнулся.

– Подонки? А при чем здесь подонки? – изумленно спросил генерал Петя.

– Не «по», а «па». Падонки – это они сами себя так называют. И язык свой придумали. Слова смешно коверкают и пишут ими всякие рассказы, в основном на скабрезные темы.

– Ну да, я уж вижу, – прокомментировал Торпеда, не отводя глаз от экрана ноутбука. – И много их тут таких?

– Сто тысяч человек в день заходят и читают эту хрень, Петя. Ты только вдумайся: население маленького города каждый день читает все это и в том числе рассказы этого Геры Клена.

– Электорат! – важно изрек генерал Петя и понял вверх указательный палец.

– Факт. – Рогачев хлопнул себя по лбу. – Какие мы все идиоты! Вот с кем и где нужно работать! Вот где все эти бунтари будущие пасутся до срока, а потом насосутся крамолы, озлобятся и вперед брать Зимний по второму разу! Только теперь они не Зимний, они Кремль штурмовать станут с Рублевкой в придачу.

Генерал Петя развел руками:

– Хочешь, чтобы я всех пересажал? Но это невозможно. Могу вот Змея этого «закрыть» – его-то мне найти будет раз плюнуть, слишком фигура заметная.

– Нет, – Рогачев задумчиво поглядел на портрет, – нет, товарищ генерал, тут по-другому мыслить надо. Чем «закрывать» кого-то, надо попробовать с ним договориться, денег дать, словам правильным научить. Вот это будет дело.

– Ну, ты это... Действуй. Хочешь, чтобы я сам Кленовского поискал, своими методами? Рогачев при слове «методы» поморщился:

– Не надо никаких ваших «методов». Я сам попытаюсь. Охота мне взглянуть, что с ним стало, если чудо все-таки произошло и он живой.

Генерал Петя, зажмурившись, глотнул из стакана и так быстро принялся болтать своей большой головой с не менее большими ушами из стороны в сторону, что Рогачев даже почувствовал, как щеки обдал легкий ветерок.

– Что с вами такое?

Генерал Петя отдышался и взглянул на Рогачева проясненным взглядом:

– Распределил жидкость по организму. Тибетский метод, кстати. Хочешь, научу?

Рогачев только рукой махнул и вышел. Вернулся к себе в кабинет. Проходя мимо не реагирующей на него Тани, заглянул ей за плечо. В ее мониторе увидел все тот же «Ресурс Змея» и картинку, где какой-то парень, сидящий на лавочке, пытался стащить юбку с совершенно, видимо, пьяной девицы. Под фотографией была надпись на языке «падонков»: «Выпел вотку – лезь ф пелотку».

– Как?! И вы туда же?! – вырвалось у Рогачева.

Татьяна испуганно «свернула» окно программы, но, видимо, делая это, поняла, что поздно спохватилась, и в смятении повернулась к начальнику:

– Петр Сергеевич, я прошу прощения, вот случайно какая-то гадость открылась, и я прямо вся остолбенела и...

– Да будет вам врать-то, – прервал ее Рогачев, – я не против. Смотрите куда хотите, хоть в «гей-ру». – Тут Петр спохватился, что сболтнул лишнего, смущенно покашлял и, перейдя на официальный тон, суровым голосом спросил:

– Так телефон мой привезли?

– Да, да, Петр Сергеевич, – затараторила Таня с несвойственной ей живостью, – вот прямо только перед вашим приходом. Я его к себе в сейф заперла, а то к такому телефону, как у вас, в пору охрану ставить, хи-хи-хи.

– Так давайте его сюда, – сурово приказал ей Рогачев.

Татьяна нырнула под свой бескрайний стол, позвенела ключами, открыла сейф и извлекла из него инкрустированный черными и розовыми бриллиантами телефон «Vertu» в платиновом корпусе. Аккуратно положила его на стол и с видом мышки, зачарованно глядящей на удава, вперила в дорожную «трубу» взгляд.

– Какой же он красивый, – пролепетала она и, кося под девочку, дурашливо улыбнулась Петру. – Дорогой, наверное?..

– Да чушь это все – тяжелый, неудобный. Подарок. Я бы такую фигню себе никогда не купил.

– Хорошие у вас друзья, Петр Сергеевич, – все еще находясь в образе девочки, пролепетала Таня.

– Друзья?! Да вы что, Татьяна, какие там друзья?! Я бы этих «друзей» в печь живьем отправил так же, как и они меня, причем они меня даже с большим удовольствием. Это партнеры по бизнесу, которых я таковыми сделал. Бывший офисный планктон, дослужившийся до полковников. Скинулись из у меня же уворованных денег и вот наскребли сто или больше тысяч евро на эту ненужную вещь. Однако она мне по статусу положена, ничего не поделаешь: по Сеньке, Таня, и шапка, – цинично заключил Рогачев, хохотнул и, открыв дверь, собирался было уже закрыться в кабинете, как в спину ему влетело привычное:

– А вот... чайку не хотите?

Рогачев ничего не ответил, лишь скрипнул зубами и саданул дверью так, что грохот был слышен, казалось, даже на Красной площади.

В записной книжке телефона он нашел несколько номеров Кленовского. Позвонил по каждому поочередно, но тщетно. Кроме «абонент временно заблокирован», он больше ничего не услышал, а когда решил на всякий случай набрать домашний номер, то в бывшей теперь уже Гериной квартире снял трубку какой-то явно по-тяжелому похмельный, а потому злой и хамоватый мужик:

– Алле, епть, кто это?

Рогачев ошалел от подобной наглости, но, впрочем, быстро нашелся и в подобном же тоне мгновенно настроился «на волну» мужика:

– Конь в пальто. Герку позови.

Мужик не удивился такому ответу, как будто ждал его и понимал, что разговаривают с ним на понятном ему языке.

– Это Герку, который бывший хозяин, что ли? Так его вроде как завалили наглушняк, а я свояк его, на сеструхе его младшей женат, значит. Ну, она, жена моя то есть, в парикмахерской овец стрижет, а я вот три недели как из троллейбусного парка уволился и бухаю с тех пор. Ты кто такой есть-то? А то давай заезжай, Герку помянем. Он мужик, конечно, говнистый был, со мной при жизни ни там «здрассте» сказать, но все ж жене моей брательник родной, да вот и хата его, вишь, сгодилась.

– Я его шеф бывший, – сам от себя не ожидая, вдруг сказал Петр.

– Ах, ты ше-е-е-ф, – протянул мужик, и в голосе его Рогачев вдруг уловил мгновенно появившуюся жуткую злобу, – тогда знаешь что, шеф, ты тем более приезжай. Я тебя, пидора вонючего, за яблочко подержу, – мужик от злости сипел, а не говорил, – воруяга ты, потрох сучий. Кореша-то своего ты мусорам сдал, а сам на его костях в Кремль залез! А Герку-то тоже из-за тебя, падлы, завалили! Ты давай-давай, приезжай, сука, я тебя научу пролетариат ува...

Рогачев отключил телефон и от души шарахнул «Vertu» о стол, отчего розовый бриллиант, вмонтированный в одну из кнопок, выскочил из своего гнезда и, брызнув светом, словно пуля отлетел куда-то в угол кабинета. Петр почувствовал, как мгновенно появилась в правом виске стальная спица «бабушки-маньячки» из американского мультфильма про канарейку. Рогачев ненавидел этот мультфильм, и старушка в очках – хозяйка канарейки неизменно вызывала у него ассоциации с какой-то страшной ведьмой, повелительницей мигрени. В снах Рогачеву иногда являлась эта старушка, на плече у нее сидела канарейка, а в руках старушки были зажаты направленные в его сторону заточенные, огромные вязальные спицы.

– А кто это тут у нас такой гадкий мальчишка, который посмел кидаться коровьим дерьмом в мою канарейку? – елеиным голосом спрашивала старушка.

– Это он, он, бабушка, – пищала канарейка Твити, – накажи его!

Рогачев с ужасом смотрел, как бабуся, скалясь и хохоча сатанинским смехом, подходит к нему все ближе, заносит для удара руку и...

Если Петру случилось в этот момент очнуться, то он знал, что день пройдет отменно хорошо, но иногда бабушке-маньячке удавалось вонзить свою спицу прямо ему в голову, и тогда наяву случались самые неожиданные и непредсказуемые неприятности. Но все это было лишь сном, было лишь до настоящего момента. А сейчас старушка с канарейкой явилась Петру наяву, и он испугался, а испугавшись, подумал, что продолжать поиски Геры, видимо, ни к чему, особенно после того, как какое-то «пьяное быдло», оказавшееся к тому же политически грамотным, в двух словах рассказало ему то, о чем сам он запретил себе даже думать. Рогачев уже совсем было снял трубку телефонного аппарата местной связи, одного из тех самых аппаратов, сделанных из пластика цвета слоновой кости и с гербом государства Российского вместо диска, стоящих на отдельном столике возле его стола, и хотел сказать генералу Пете, что никого искать больше уже не надо, умолчав о подробностях разговора с Гериным «родственничком», но бабуля со спицами и канарейкой не зря решила привидеться ему в тот судьбоносный день. Несправедливо обиженный олигархический телефон, в котором от удара что-то случилось с динамиком, надтреснуто заиграл мелодию «Пинк Флойд» «We don't need your education». Под таким сигналом в телефон Рогачева был «вшит» номер лишь одного человека на свете – того самого профессора, его бывшего научного руководителя и ректора «академии нефтяников», отца Насти и тестя Германа.

– О-о-о! Только не сейчас! – простонал Рогачев, но генералу Пете звонить не стал. К профессору Рогачев всегда питал самые теплые чувства, ведь тот вывел его в люди, и Рогачев вместе со своим «другом» Хроновским всегда помогал родному вузу и охотно брал в «Юксон» его выпускников.

– Алле! Да, Зиновий Иннокентьевич, – смакуя, произнес Петр замысловато-редкое имя, – сколько лет, сколько зим! Давненько не слышались!

– Здравствуй, Петенька, – интеллигентно-заискивающим голосом произнес Настин папа, – да и мы уж все глаза проглядели.

– Ну... вы же понимаете, я... И вообще...

– Да, конечно, я все понимаю, Петр Сергеевич. Вы теперь человек государственный, на большом посту, как и всегда, а мы-то черви книжные, у нас, как в той рекламе про новозеландский сыр, «жизнь течет неторопливо и старомодно».

«Будет денег просить, – подумал Рогачев, – надо бы подбросить что-нибудь родному институту, благо госбюджет для этого и предназначен».

– Да будет вам, Зиновий Иннокентьевич. У меня просто очередной скачок в гиперпространстве произошел, и все тут. Большие деньги дают быстрое движение по любой траектории. Моя вот меня привела в Кремль. Пора и для страны что-то сделать, не век же из нее себе в карман качать.

– Да-да, все так, Петенька, конечно. А вот... – профессор замялся, – нам бы тут в академии гранты нужно обеспечить для талантливых студентов и вообще проблем накопилось, так что звоню всем своим соколам и прошу пожертвовать, кто сколько сможет. Вот решил с тебя начать, ведь ты у нас выше всех залетел.

Они еще немного поговорили, обсудили сумму поддержки со стороны государства, и Рогачев пообещал «дать зеленый свет» в течение двух-трех дней. Затем беседа как-то не пошла, и Рогачев, которому неловко было прощаться первому, скорее ради приличия, задал профессору вопрос о том, «как там у вас дома».

– А дома у нас теперь все совсем хорошо, – неожиданно ответил тот, – от супруги моей вам привет, да и от Настеньки тоже возьму на себя смелость передать. Просто ее сейчас нет рядом, они все втроем гулять ушли.

Петр вдруг вспомнил о существовании Насти, о том, что прежде она была Гериной женой, и спросил:

– А кто «они»-то?

– А как же: и Герман, и внучек наш. Все вместе пошли в лес гулять, втроем. Мы ведь теперь за городом живем, на даче. На лечение Геры много денег ушло, вот и решили все на дачу переехать, в Переделкино, а квартиру в Москве сдаем. К тому же и внук у меня теперь, Алешка, так все с ним по очереди и нянчимся и...

Но Рогачев оборвал его на полуслове, пересилив себя и сохранив спокойный тон, показывая тем самым, что судьба Геры после ранения для него не новость:

– Да, кстати! Ведь я все собирался позвонить, поздравить, да вот руки не дошли пока. Так Гера поправился?

– Ну, почти, – уклончиво ответил профессор, – здесь у нас и воздух и сосны, так что все ему на пользу.

– А чем он теперь занимается?

– А ничем он не занимается, – горестно ответил Герин тесть, – целыми днями у компьютера торчит. «Я, – говорит, – отсюда вижу, как управлять миром». Ну, мы уж не суемся, все-таки такое пережить довелось и ему, и нам всем...

– Так. Пусть он мне позвонит, как вернется, – отрезал Рогачев.

– Господи, Петр Сергеевич, благодетель вы наш, – профессор и не скрывал своей радости, – уж помогите ему, найдите для зятя моего хоть какое-то местечко, а то ведь гложет парня безделье это. Нет, вы вдумайтесь только! «Миром», говорит, видит, как управлять! Это ведь форменное помешательство!

– Вы так думаете? – усмехнулся Рогачев.

– А вы разве...

– Не важно... Я жду его звонка. – Рогачев закончил разговор и отключил телефон, из испорченного динамика которого все еще звучали слова благодарности.

Ветеран запаса

Гера ехал в Кремль на такси. Водить машину он не мог: по его собственному выражению, его «накрывало». Темнело в глазах, начинали трястись руки, зашкаливало давление, и тогда он с трудом парковался на обочине, а если «накрывало» в пробке, то просто включал «аварийку», клал под язык таблетку валидола, капал в открытый рот валокордин и ждал, когда испуганно колотящееся сердце наконец успокоится. Однажды Гера, встав посередине дороги именно таким образом, загородил выезд кортежу огромных черных внедорожников-«Брабусов». Машины были одинаковыми, люди, сидевшие в них, тоже смотрелись на одно лицо: блестящие лысые шары голов, сидящие на крепких трапециевидных шеях, аккуратные арбузы животов, одинаковые безразмерные костюмы, темные очки. Один из этих амбалов, сидевший за рулем впереди идущей машины, высунулся из окна и проорал:

– Эй ты, козел! Уснул, что ли?!

Гера как раз именно в этот момент буквально держал правую руку на своем левом запястье и чувствовал себя настолько плохо, что даже не мог говорить. Поэтому на это далеко не вежливое обращение он никак не отреагировал и продолжал мысленно заговаривать собственный пульс. «Тише, пожалуйста, тише. Доктор сказал, что это пройдет, что от этого не умирают. Это всего лишь посттравматический шок, у всех случается, кто после ранения и...»

– Ты, бля, оглох, мудила? Опустил стекло, я с тобой разговариваю! – Амбал вылез из машины и теперь стоял, нависая над автомобилем Геры, раздуваясь от ярости, словно голодный бегемот. – А то я тебе щас стекло ебну!

Гера, которого появление амбала как-то отвлекло от общения с собственным пульсом, медленно повернул голову, с трудом нажал на кнопку стеклоподъемника и ответил:

– Что тебе от меня надо?

– Ты, бля, кому «тыкаешь»? Ты видишь, кто перед тобой стоит, бля! Да я тебя...

– Послушай, ты, мне с сердцем плохо. А плохо из-за пули, которую в меня «дух» всадил, когда ты брюхо нагуливал. Я в окопах сечку жрал, когда ты блядей апельсинами угощал. Я за тебя воевал, а ты на меня пасть разеваешь. Да пошел ты на хуй, ясно?

Амбал словно мимо ушей пропустил последнее Герино «пожелание» и с уважением отступил от его машины на два шага. Был он, как и все, кто ехал вместе с ним, обыкновенной «пехотой», и вся эта «брабусная» колонна направлялась забирать из подмосковного пансионата загулявшего своего шефа – хозяина водочного завода. Пехоту набирали, как правило, из просто здоровенных, туповатых качков с парой извилин в голове, но даже этих двух извилин хватало им для того, чтобы с уважением относиться к словам «дух», «окопы» и «воевал». Поэтому амбал участливо спросил:

– Что, совсем плохо?

– Да... – ответил Гера, которому на самом деле стало гораздо лучше. Его начинал веселить этот перформанс, и он решил доиграть свою роль до конца.

– Э, пацаны, – зычно «кинул клич» амбал, – тут человеку хорошему плохо, ехать не может. Давайте поможем!

Из «Брабусов» высыпало шестнадцать здоровых «пехотинцев». Они по периметру обступили Герину машину и, по команде подняв ее, аккуратно отнесли к обочине и поставили на колеса.

– Тебе «Скорую» вызвать, братишка? – с несвойственным ему неуклюжим участием осведомился амбал.

– Не парьтесь, ребята, – по-свойски ответил раздраемый изнутри смехом Гера, – со мной не впервой. Посижу маленько (он специально вернул это слово «маленько»: слишком просторечное, ненавидимое им слово, но зато родное для амбала), и отпустит. Делов-то.

– Куда ж тебя? – участливо осведомился «бегемот».

– Под правую лопатку, – впервые за всю беседу сказал правду Герман.

– Да, дела... Ну, ты это, не серчай. Мы таких, как ты, уважаем.

Черные, похожие на большие холодильники машины уехали, а Гера от души похотал над простачками, которых он так ловко надул. Надуть-то надул, но после этого случая поставил машину «на приколы»: сам на ней не ездил и никому не позволял.

И вот теперь он ехал в Кремль. В буквальном смысле вернувшись с того света несколько месяцев назад, он получил известие о новом статусе своего бывшего начальника, экс-олигарха Петра Рогачева одним из последних в стране: не до того было. А придя в себя и узнав о том, что Рогачев променял различные варианты своего бегства, ссылки, статуса политического изгнанника на место чиновника класса А, Гера чуть было вновь не вернулся в состояние между небом и землей. Ведь мы никогда не хотим падать вниз, а уж если такое, не ровен час, и происходит, то нам хочется, чтобы вокруг нас было как можно больше такого же падающего народа, причем лучше всего из числа ближайших знакомых. К счастью, как правило, этого не происходит, а вчерашние однокашники, оказывается, штурмуют новые высоты где-то под облаками и от осознания того, что ты внизу, да что там греха таить – в полной заднице, а они почти держат бога за бороду, можно и спиться, и сторчатся, и просто сойти с ума.

К счастью, Гера попал в общество хороших, любящих его людей, и прежде всего такими людьми стали в его жизни Настя и малыш Алешка, появившийся на свет в тот самый день, когда Герман впервые сделал несколько самостоятельных шагов, словно ждал этот маленький человечек момента, когда отец сможет его взять на руки, подбросить в небо: всего такого красивого и совсем-совсем новенького земного жителя. Они-то, самые главные его люди, и отвлекли от осознания отрыва от устремлений вчерашних однокашников. Гера постепенно успокоился и принялся ждать.

«Если меня вернули обратно из черной трубы, если я увидел своего сына и если я просто жив, в конце концов, то, значит, самое главное у меня впереди. Просто надо подождать».

И однажды он дождался. В тот день они вернулись с прогулки на полчаса раньше обычного: Настя почувствовала себя неважно, отшутилась, что, мол, голова разболелась от избытка кислорода. В прихожей их ждал сюрприз в виде Настинного отца, который встречал их, держа высоко над головой вырванный из блокнота листок с какими-то неразличимыми каракулями. Геру при взгляде на этот листок как будто тряхнуло электрическим зарядом так, словно его угостили порцией веселых искорок из электрошоковой дубинки.

– Ну что, господин зять, – срывающимся от волнения голосом произнес отец Гериной супруги, – похоже, что тебе к выздоровлению еще один шанс подоспел, и, похоже, какой-то невероятный.

– Что вы имеете в виду? – Гера уже на последних нотах своей фразы вдруг понял, что бумага в руке тестя – это настоящая индульгенция и пропуск в новый мир. Он словно бы увидел листок с каракулями другим, спектральным зрением: тесть, словно развоплотившийся дух, состоящий из воздуха, мантии и еще какой-то чепухи, держал в руке горящий бесчисленным золотом свиток, на котором красным было начертано что-то очень важное. И выглядел этот свиток, будто его только что с мясом вырвали из книги Гериной судьбы, скатали для солидности в трубку и протянули Герману со словами: «Ну, ладно, хватит тебе на ремонте простаивать, ты еще не ржавая посуда и вполне можешь себе побегать по морям, по волнам и, конечно, под нашим флагом».

– Петенька, чтоб ему всю его дальнейшую жизнь только по лепесткам роз ходить и никогда не оступить, позвонил из Кремля. Ты ведь знаешь, что он...

Гера, в горле у которого будто зашуршал не ведающий влаги песок пустыни Каракумы, лишь кивнул.

– Ну, и я ему рассказал о том, что ты сейчас собой представляешь, – важно, добавив значимости в голосе, продолжил тесть, – так прямо и выразился, мол, спасите парня, а то он так и помешается возле компьютера, и поручкой тому будет его толком «ничего неделание».

– А он? – Герин голос шуршал, как хвост варана о песок.

– Ну а что он... Он-то человек благородный, хоть и болтают о нем черт знает что. Вот. – Тесть наконец, видимо, решил, что пришло время заканчивать прелюдию, и протянул Гере листок быстрым, кинжальным жестом. – Это его новый телефонный номер. Звони, баловень судьбы. Кажется, фортуна вновь решила тебя как следует отлюбить...

Разговор с Петром, краткий, состоящий из суммы нескольких обоюдообщих предложений, был лишь логической необходимостью. Рогачев, абсолютно не разбавляя свои слова эмоциями, поприветствовал Геру так, словно они расстались даже и не вчера, а несколько часов назад, и в конце добавил:

– Завтра в десять утра ты должен быть в моем кабинете. Вход через Спасские ворота, слева бюро пропусков. Паспорт не забудь, а так у меня все. До завтра.

– Да завтра, – почти в унисон получилось у Геры, и он пошел выбирать костюм для завтрашней встречи.

Почти весь его гардероб, за исключением нескольких вольнодумных толстовок, пары другой джинсов и еще какой-то неформальной мешковины, без дела висел в шкафу. Гера провел пальцем поперек вытянувшейся перед ним галереи пиджачных рукавов и, чуть подумав, вытянул из шкафа черный в полоску итальянский костюм. Критически поглядел на него, причем со стороны могло показаться, что не только человек глядит на костюм, но и костюм глядит на человека. Они словно оценивают друг друга так, как это обычно делают расставшиеся и случайно вдруг встретившиеся любовники. В голове мужчины вертится:

– Интересно, ее задница все еще такая же упругая на ощупь?

А в голове женщины тонкой воговской сигареткой начинает тлеть мысль:

– Интересно, он все еще может делать это ТАК?

Как правило, из этих встреч ничего не получается, а иногда двое, успев понять и принять за данность то, что случайной их встречу считать просто смешно, вновь оказываются в одной постели и наутро или совсем уж расстаются: жизнь больше никогда не столкнет их, либо все у них начинается по новой.

Так и с официальной, придающей статус и долго не ношенной по причине потери одного одежды. После долгой разлуки «костюмчик» может и «не сесть» как прежде. Однако Гера, подойдя к зеркалу, с удовлетворением отметил, что костюм, похоже, простил ему и темный шкаф, и тоску своих брюк по соприкосновению с дорогой кожей автомобильно-офисных кресел: сидел он, как и прежде, отлично и все еще продолжал быть «его костюмом».

Настя подошла к нему сзади, обняла за плечи, повернула к себе:

– Знаешь, на кого ты похож?

– Только не говори мне ничего ироничного, малыш, я сразу потеряю первые молекулы неохотно возвращающейся ко мне уверенности.

– Нет-нет. Я лишь хотела сказать, что ты в этом костюме словно ветеран, надевающий каждый год свой парадный мундир с наградами. Выглядит очень трогательно.

– Фигня это все, – отшутился Герман, – я не на парад иду перед мавзолеем искры вышибать. Я, малыш, ветеран запаса: Родина сказала «надо», и вот я уже на пункте резервистов, а так как звание у меня, сама знаешь, не «рядовой», то впереди все только самое приятное: спецпаек, спецблиндаж, спецмашина с синими блестящими штуками на крыше и много еще чего.

– Ты забыл о двух вещах, – Настя внезапно помрачнела и отошла к окну, за которым поливал холодный ноябрьский дождь, – ты забыл про походную жену и о том, что на войне тебя могут убить.

– Ерунда. Жена у меня есть, походные обозные шлюхи опасны для здоровья, а убивать меня уже пробовали. Прорвемся.

Настя отвернулась к окну и ничего не сказала.

В зоне понимания

Герман отпустил такси возле входа в ГУМ со стороны Ильинки. Некоторое время смотрел, как желтая машина уносила в себе воздух того промежуточного, переходного мира, в котором он, Гера, жил все это время с момента возвращения из черной трубы. Наконец огни таксомотора растворились где-то в ноябрьской серости Москвы, и Герман смело шагнул на брусчатку Красной площади. Чеканя шаг и выпятив подбородок, говорящий праздношатающимся по площади туристам, что этот парень «по другой части», он пересек главную площадь страны и, поднявшись по ступенькам, оказался внутри неприметного домика слева от Спасской башни. Это вполне аутентичное и очень крепкое на вид строение и было бюро пропусков, где выдавали право входа на территорию небожителей. Небольшое помещение оказалось пустым, ибо бюро пропусков не знало очередей, и в одном из «окошек» за пуленепробиваемым стеклом виднелось лицо парня лет двадцати пяти. Парень чем-то смахивал на звезду боевиков актера Лундгрена в молодости – исполнителя ролей зловещих Ивана Драго и Николая Ряженко: безжалостных отмороженных солдат Советского Союза. Лицо «табельщика», как мгновенно обозвал про себя парня Гера, не выражало ровным счетом ничего, и лишь его розово-молочный цвет говорил о том, что парень все же не киборг, со вживленным в гипофиз чипом, а вполне земное, человеческое существо.

– Здравствуйте... – начал было Герман, но «Лундгрена» прервал его. Отрывисто и тяжело произнес ожидаемым баском:

– Паспорт.

Гера положил документ в прорезь лотка ездившего под пуленепробиваемым стеклом окошка и увидел, как «Лундгрена», даже не взглянув на странички паспорта, сразу запихнул его в прорезь какого-то аппарата. Аппарат зашумел, послышалось несколько «пикающих» компьютерных звуков, и двойник Лундгрена уставился в стоящий прямо перед собой монитор. Прошло несколько минут, во время которых, подумал Гера, каменнолицый парень прочел на своем мониторе все, что только было известно о нем, Германе Кленовском, официальным государственным заведениям. Процесс этот затянулся настолько, что Гера, переминаясь с ноги на ногу, мысленно предположил, что парень либо медленно читает, либо официальным государственным заведениям известно о Германе Кленовском чересчур много.

Наконец лоток вернулся из-под пуленепробиваемого стекла, и в нем лежали паспорт и магнитная карточка с напечатанными инициалами Геры. Держа перед собой и паспорт, и карточку, словно это были какие-нибудь регалии, наподобие державы и скипетра, Гера обогнул Спасскую башню и попал в помещение, для которого не подходило никакое другое название, кроме как «караулка». В «караулке» Герин паспорт еще раз подвергли тщательной проверке двое офицеров с боксерскими перебитыми носами. Его карточку вновь запихнули в прорезь железного ящика. После этого на укрепленном в углу мониторе появились Герины фамилия, имя и отчество. Один из перебитых носов еще раз сверил надпись на мониторе с именем в паспорте и вернул его и карточку Гере со словами:

– Проходите. Знаете куда?

Гера, который к тому времени несколько оробел при виде всех этих суровых «барбосов» (именно так он всегда называл любого охранника – «барбос»), пискнул:

– В девятый подъезд.

– Напра-нале, – не вполне точно, но очень четко выпалил «барбос», и Гера, попутно расшифровывая услышанные координаты, на нетвердых уже ногах пошел сперва направо, вдоль знаменитой Кремлевской стены, а после того, как увидел над одной из дверей табличку 9, перешел через дорогу и, подойдя к тяжелой дубовой двери, взялся за медную скобу ручки. Перед тем как войти, он повернул голову назад, словно искал что-то, какой-то поддержки, но

сзади никого не было: пуст был двор за Кремлевской стеной. Герман мгновенно вспомнил сказку «Снежная королева», тот самый эпизод, когда Герда попадает в садик ведьмы, а в том садике царит вечное лето. Здесь, на территории Кремля, за высокой кирпичной стеной, словно навечно поселилась осенняя сумеречная хмарь лесного болота. Мрачности добавляло и соседство с кладбищем, устроенным красными жрецами в Кремлевской стене. Как известно, над болотами вечно мечутся нечестивые души тех, кого даже в ад не пускают, и Гера почувствовал это еле уловимое смятение, непокой, злобу душ тех, чей пепел приняла в себя красная кирпичная стена. Он взглянул на небо: низкое, налитое миллиардами холодных капель, но так и не увидел во всем этом скоротечно уловленном глазом и мозгом пейзаже никаких знаков для самого себя. Тогда он широко улыбнулся и произнес:

– Вновь довелось оказаться в хорошей компании, – поправил на запястье часы и вошел внутрь.

...Они сидели каждый на положенном ему месте: Рогачев за своим огромным столом, Гера за столом для посетителей. Разговор еще не начался. Не было произнесено ни слова с того момента, как Гера пересек порог кабинета своего бывшего шефа. Они просто смотрели друг на друга. Гера, скорее, потому, что считал невозможным отвести взгляд от внимательно изучающих его глаз Рогачева. А тот смотрел так, словно пытался убить Геру этим тяжелым и довольно недружелюбным взглядом. Наконец Герман решил, что пауза не только затянулась, но и выглядеть стала гротескно.

– Петр, если это некая немая сцена из спектакля, то я не успел выучить свою роль.

Рогачев явно ждал его слов и был готов к чему-то похожему. Он мгновенно «потушил» тяжесть во взоре, изменил позу: из напряженной она превратилась в доброжелательно-нейтральную. Петр даже «неформально» зевнул, что, казалось, окончательно развеяло тучи под потолком кабинета.

– Как себя чувствуешь?

Гера кивнул:

– Спасибо, вашими заботами.

– Ну ладно-ладно, – миролюбиво произнес Рогачев, – кто же мог предположить, что ты окажешься настолько живучим. Мне сообщили, что ты умер в тот же день, когда в тебя стреляли. Тогда, сам понимаешь, была неразбериха, паника. Я перепроверять не стал, да и, согласись, не имел на то никакой охоты. Ведь ты меня пытался облапошить. Ты хоть понимаешь, что Бориса посадили во многом благодаря тебе?

Гера усмехнулся:

– Петр, я боюсь показаться невежливым, но ведь мы оба теперь прекрасно знаем, что он сел бы в любом случае. Так зачем было палить деньги понапрасну. Кстати, что с ними стало? Ведь я тогда оставил все и сбежал, а кто «нашел» эти деньги, для меня до сих пор загадка.

Рогачев усмехнулся в ответ, откинулся на спинку кресла, недобро глянул на Геру:

– Знаешь, есть такое выражение «деньги на базе» – это значит там, где им положено быть. Так вот, все мои деньги находятся на базе. Подчеркиваю, все, даже те, которыми ты столь неосмотрительно поделился с адвокатом Гадвой.

Гера вспотел. Сиденье стула показалось ему раскаленной сковородой, и он принялся ерзать на нем, словно швабра по полю для керлинга. Рогачев тем временем продолжал:

– Твоя хитрожопость вышла тебе боком настолько же, насколько для меня она даже оказалась, если можно так сказать, выгодной. Короче, все те тридцать миллионов вернулись ко мне.

Гера вцепился пальцами в край стола так сильно, словно хотел вырвать из столешницы кусок:

– А мои... Мои деньги?!?! Они тоже?..

– Да, – Рогачев с улыбкой кивнул, – и они тоже...

Гера почувствовал, что от волнения у него отнялись ноги. Во всяком случае, он перестал их чувствовать.

– Отдайте, – прохрипел он, – отдайте! Зачем вам мои деньги?! Прошу вас!

Рогачев сделал жест, словно закрывал Герману рот. Жест этот он подкрепил веским и протяжным «бля-а-а». Так и сказал:

– Бля-а-а, – зевнул, – заткнись. Заткнись и слушай, что я тебе скажу. – Убедившись, что Гера приходит в себя, Петр продолжил: – Я тебя позвал не для того, чтобы ворошить прошлое. Мы оба прекрасно знаем, что ты вор, но вор с большим списком разнообразных талантов, и, как я недавно выяснил, среди них есть еще и литературный.

Гера, который пытался взять себя в руки и был относительно спокоен лишь внешне, рассеянно спросил:

– Что вы имеете в виду?

– Гера Клен – это ты?

– Ах это... Ну, это так, простое увлечение бывшего крупномасштабного, как вы изволили выразиться, вора, находящегося ныне на пенсии по состоянию здоровья. За мемуары мне братья рановато, а вот такие рассказы как-то отвлекают от невеселой действительности, в которой я оказался, отойдя от дел.

Рогачев качнулся вперед:

– Что, так соскучился по настоящему делу?

– Ну а как вы думаете? С такой горы скатиться и остаться при этом в живых для того, чтобы всю жизнь только и помнить собственное падение, – это ли не скука смертная, мягко говоря?

Раздался звонок, Рогачев сделал Гере знак и поднял трубку пластмассового аппарата с гербом вместо диска:

– Да. Да. Нет. Кто? А в какой он фракции, в смысле, куда он хочет? Ах, вот даже как?! Ну, так назови ему стандартную цену. Что? А ты не знаешь разве? Зона понимания – пятнадцать. А ты за него не думай: ему свой комбинат надо спасать, а если он думает в Женеве отсидеться или в своем еврейском конгрессе бучу поднять, то мы и в Женеву запрос об экстрадиции настроим – не впервой. А на конгресс его я лично положить хотел, нам сионисты не указ, пока еще в России живем, а не в Израиле. Что значит, ты думаешь, для него это дорого? Так и фракция дорогая, милый мой. А если он к правым клоунам захотел, то там да, там зона понимания пять, но гарантий никаких, сам понимаешь. Так что ориентируй его на пятнаху и скажи, что дальше все станет только дороже. Инфляция же везде, ха-ха-ха! Все, давай, пока.

Положив трубку, Рогачев взглянул на Геру. Тот, похоже, все «уловил» и теперь сидел и ухмылялся.

– Чего так развеселился?

– Да так... «Зона понимания» напомнила кое-что. У нас, простых торгашей, правда, не такой сленг в ходу, но расценки тут у вас бодрые.

– А ты как думал? У нас и товарчик высший сорт: места в Думе или в сенате. Их ящиками или там упаковками продавать не станешь, товар штучный. Вот и цены поэтому такие.

– И что, берут?

– А ты как думал? Я ведь и сам за себя заплатил, как ты догадываешься, и не смешные пятнадцать миллионов, а намного больше. Зато теперь решаю вопросы так же, как ты когда-то в своих магазинах решал. Этому «зеленый», а тому «кирпич» и в Лондон на вечное поселение. Знаешь, сколько в Лондоне народу из «Юксона» осело? Сотни человек! А знаешь почему? Да потому, что пожадничали себе здесь, так сказать, «вид на свободное жительство» продлить. Простые секретарши, помнишь у нас с Борей в приемной сидели? – простые секретарши с собой по миллиону долларов «кэшем» в чемодане привезли. Поэтому здесь за продление вида на жительство с них и просили соответственно, а это значит отдай все и чуть больше. Вот

лондонская московская диаспора и пополнилась сразу человек на триста, а потом еще... А на чужбине даже с деньгами житье не очень-то веселое. Особенно в Европе. Общество таких не принимает и считает, вполне справедливо, что все новые русские эмигранты сплошь и рядом жулье высшей пробы, пожадничавшее занести у себя на родине. Слышал сейчас разговор? Дело вот в чем: есть некий гусь по фамилии Кентор. Еврей, разумеется. У него еще папашу при совдепах не-то расстреляли, не-то посадили за воровство, но не в этом дело. Так вот этот Кентор, потратив килограмма два свинца и пару копеек, приобрел комбинат один, мирового значения. Первое время его никто не трогал, а сейчас, после того как Борю закрыли, на таких вот Кенторов потихоньку стали наезжать. Ну а этот владелец комбината, почувствовав, с какой стороны ветер дует, решил обезопаситься, неприкосновенность получить. Обратился ко мне, через моего же человека. Я теперь такие вопросы решаю, что тебе и не снилось.

– И... что же вы ему, поможете?

– Не знаю... – Рогачев зачем-то посмотрел на потолок, словно ожидал там что-то увидеть, но ничего такого не увидел и продолжил: – Тут ведь дело такое, если с первого раза человек заартачился, значит, ему второй заход в два раза дороже станет. Как говорил предводитель Воробьянинов: «Торг здесь не уместен». Тем более что этот Кентор решил под себя три тысячи гектаров земли рублевской подмять. Там заводик один есть, конный. Так вот Кентор этот и еще один, такой же, приятель его по прозвищу Безя, решили у заводика землю отчистить и построить на ней доходные дома. Сейчас, конечно, у нас везде сплошная политкорректность, но как-то неправильно, что евреи землей торгуют. Как ты считаешь?

Герман всплеснул руками:

– Господи, Петр! Да вы ли это! Я вас просто не узнаю! Куда делся ваш здоровый «бизнесменский» цинизм?! Откуда все это, я имею в виду, насчет евреев? Ведь когда вы работали с евреем Борей Хроновским, то как-то не задумывались о том, кто именно ваш партнер по национальности?

– А ты не вспоминай, что было. Что было, то прошло. У меня сейчас положение другое, а положение всегда обязывает. Мне, говоря откровенно, наплевать, кто там по национальности этот Кентор. Пусть хоть зулусом будет, хоть алеутом. Мне на три тысячи гектаров земли не наплевать, видишь ли. И ему, – Рогачев ткнул пальцем за плечо, туда, где висел на стене портрет сдвигающимся взглядом, – не наплевать. Чересчур кусок жирный всего для двух человек. А если человек в состоянии такой кусок сожрать и не подавиться, то пусть за это свое умение занесет малость. Пойми, Гера, – вдруг с жаркой откровенностью заговорил Рогачев, – у нас никакого капитализма в стране нету. У нас феодализм. Вот есть король, – он вновь ткнул пальцем в портрет на стене, – он первый среди равных, как и положено. А у короля есть вассалы, которым король нарезал участки для проживания и эксплуатации с целью извлечения процентов. Но ведь не просто так нарезал-то, не за красивые глаза, понимаешь?! Король, он, прежде всего, о государственных интересах печется хотя бы потому только, что если с этим государством что-то случится, то ему королем негде станет быть. А в государстве еще и народишко проживает, и армия есть, и еще много чего. А для того чтобы с государством ничего не случилось хотя бы в ближайшие несколько лет, надо, чтобы народишко хоть как-то жил и при этом не думал, по крайней мере, о том, что он станет жрать завтра. Армия должна на маневры ездить, а то если она на маневры ездить не станет, то ей захочется кое-чего посерьезнее маневров, а тогда переворот, вассалов под корень, и все в минусе. Вот это в двух словах и есть та самая вертикаль, понял?

Гера мотнул головой:

– Если честно, то не совсем. Вы словно экспресс несетесь и остановки пропускаете, а я никак не могу понять, куда же я еду. В общем, туманно пока.

Петр махнул рукой:

– Ладно, въедешь со временем.

Потом словно спохватился, что до сих пор так ничего Герману и не предложил, и сказал уже в более спокойном тоне:

– Короче говоря, я вот для чего тебя позвал. Подойди-ка сюда...

Гера встал со своего места, обогнул длинный стол для заседаний и подошел к креслу Рогачева. Тот ткнул пальцем в монитор:

– На вот, почитай, что обо мне всякая шваль в Интернете пишет.

Гера с интересом взгляделся в строчки, напечатанные на каком-то незнакомом ему сайте, и прочел следующее:

«У нас есть сила – есть влияние. Власть и господин Рогачев скоро в этом убедятся. Пока же эти люди наивно полагают, что они чем-то рулят. Но это давно уже власть импотентов. Ни одна их программа не реализована, они не понимают, как работает система. Я часто думаю: они дураки или кто? Нет, на самом деле они просто не в теме, они живут в другом мире. Они непонятно как во власть попали. Рогачев бывший соратник Хроновского, который его предал, а взамен стал большим человеком в президентской администрации. Никому дела нет, что Рогачев оторван от реальности, сидит на кокаине, играет в куклы. Ему самому при этом кажется, что он судьбами играет, определяет, какая политическая сила должна остаться, какая исчезнуть.

Между тем ничего запретить они не могут. Мы готовы к работе в любых условиях. Вот даже если власть запретит нам публичные выступления, то я дождусь марша «антифашистов» и призову соратников нашего движения поддержать это мероприятие. И мы устроим новый русский «марш № 2». Ну, ничего они не могут сделать, никак не смогут помешать...»

Рогачев внимательно следил за выражением лица Геры, того же удивила прямота и смелость прочитанных слов. Герман закончил читать выделенный Рогачевым кусок текста и спросил:

– Кто это?

– Да сволочь одна. На этом вот фуфле такие, как он, хотят в тему попасть, к деньгам руку тянут, и к большим, Гера, деньгам. И, что самое главное, мешают они очень.

– Кому именно?

– Прежде всего мне, ты же читал, что этот гаденыш себе позволяет. Есть многое, чего ты не знаешь, но это все придет, со временем все поймешь. Понимаешь, к чему клоню?

– Думаю, что наконец-то получу от вас какое-то конкретное предложение. Ведь не для того вы меня вызвали, чтобы сообщить, что мои деньги, таким чудесным образом нашедшиеся все же, ко мне не вернуться?

– Да не кипешишь ты. Будут тебе и деньги, и все остальное. Не в деньгах дело, Гера.

– Петр, я эту иезуитскую мораль, что «не в деньгах дело», уже слышал за свою жизнь не один раз. Так никто и никогда искренне не думает, но говорят так только те, у кого с деньгами все в порядке. Так вот у меня с ними все далеко не в порядке, и если вы предлагаете мне работу, то давайте это обсуждать, а если нет, то я не намерен тут оправдываться или посыпать голову пеплом. Мы с вами оба прекрасно знаем, по чьей протекции сел Борис, этот ваш интернет-критик вполне осведомленный человек, и мы, будучи повязаны одной, если можно сказать, кровью, не можем, не имеем права возводить друг на друга напраслину. Вы говорите, что я вор? Что же я украл? У кого? У тех, кто и сам, в свою очередь, является вором, подонком и упырем? Моя мораль вам известна: деньги и свобода. Одно без другого невозможно. Свободы у меня нынче – девать некуда, а вот средств для наслаждения ею нет. Поэтому говорите, что от меня требуется, или я уйду. Ведь вы мне мои деньги возвращать не собираетесь, не так ли?

Рогачев миролюбиво улыбнулся:

– Тебе нельзя волноваться. Не полезно. Успокойся. Все хорошо, ты живой, а деньги вещь наживная. Тем более что кидать тебя никто не намерен, так что все получишь назад, но, – остановил Рогачев радостный порыв Геры, – при одном условии.

– Говорите, я внимательно вас слушаю.

– Дело в том, что я, как ты, наверное, уже понял, решаю, что должны публиковать газеты и показывать телевидение.

– Да. Понял. И мне хочется верить, что это не причина, по которой в наших средствах массовой информации нечего читать, кроме того, что вот он, – Гера в свою очередь показал на портрет на стене, – молодец и последняя надежда, интервью с сутенером Листерманом, об очередном идиотском «федеральном проекте», который заведомо обречен на неудачу, и так далее. Я вообще поражен, неужели еще кто-то смотрит телевизор и читает газеты. Ведь это равнозначно добровольному отупению и превращению мозга в желе, плавающее в кока-коле.

– Народ будет знать то, что ему положено, и ни центом больше – для этого я здесь и сижу, в этом кресле. И разным гадам не удастся протащить свои агитки в печать, тем более что у нас есть все основания предполагать, что все их лозунги пишутся в приземистом здании Госдепартамента США. Меня ненавидят и боятся все журналисты, хотя я могу купить любого из них с потрохами, они только и ждут этого. И если я с полной уверенностью могу сказать, что вот прямо из этого кабинета могу управлять всем тем, что издается на бумаге, и тем, что говорится в радиоэфире и с экрана телевизора, если так называемая оппозиция в виде старого пидора Огурцова и истерички Новопольской каждый месяц получает лично из моих рук чек офшорного банка на предъявителя, то единственно, с чем мне совершенно не удастся справиться, – это Интернет. Здесь, я вынужден признать, все мои усилия до сих пор равнялись нулю. Каждый, кому взбредет в голову обвинить меня в употреблении кокаина, гомосексуализме, перемене пола и черт знает в чем, может это сделать, просто разместив соответствующий текст. И вся эта многочисленная публика, болтающаяся на просторах Интернета, с воем и восторгом подхватит любую утку, а иногда и не утку. В общем, с Интернетом нужно что-то делать, Гера.

– В Сети сила, брат, – задумчиво ответил Гера, – ну, а как вы сами это себе представляете?

– Как-как, – Рогачев вышел из-за стола и принялся нервно мерить шагами кабинет, – если бы я знал как. Наверное, нужно наши идеи каким-то ненавязчивым образом продвигать, а может, и навязчивым. Главное, чтобы это имело результат. Ты можешь предложить что-то по этому вопросу?

Герман, в мозгу которого к тому моменту уже начал зреть обширный и грандиозный план, решил виду не подавать и сперва получить от Рогачева гарантии. Он совершенно не собирался делиться с этим новоиспеченным идеологом-дилетантом своими планами бесплатно и ответил вопросом на вопрос:

– А какова зона понимания?

Рогачев вернулся за стол, придвинул к себе какую-то бумагу и пробежал текст глазами. Только после этого ответил:

– Я так понимаю, что никакой официальной должности тебе давать не следует. И знаешь почему? Ты тогда не будешь «своим парнем» среди интернет-электората, а я хочу, чтобы ты оценивал всю эту армию анонимных матерщинников именно как электорат, который, по нашим оценкам, составляет миллион человек по всей стране, не меньше. Получишь назад свои деньги и еще кое-что на «раскрутку», снимешь хороший офис, наймешь людей, название для конторы придумаешь какое-нибудь ультрамодное, так, чтобы с понтами, понимаешь? И начнешь работать на полную катушку. У тебя в Интернете имя есть, ты там свой – тем ты для нас и ценен. Так что, думаю, все получится. У меня, разумеется, кое-какие соображения и у самого имеются, но я хочу сперва тебя выслушать. Сколько тебе нужно времени, чтобы подготовиться?

Гера пожал плечами:

– Не знаю... День, может, два.

– Добро, даю тебе двое суток. Сейчас у нас вторник, значит, в четверг встречаемся прямо здесь все вместе. Помимо меня, есть еще двое ответственных за этот вопрос людей: один гене-

рал, ты его вряд ли знаешь, и всем известный Жора Поплавский. Такая вот у нас «особая тройка» образовалась. В четверг в десять часов утра на свежую голову и поговорим. Пойдет?

Гера немного замялся и с опозданием кивнул. Эта заминка не ускользнула от Рогачева, который не отводил от Германа глаз на протяжении всего их долгого разговора.

– Ты чего менжешься? Что-то не так?

– А когда я смогу свои деньги обратно получить? Когда вы мне все вернете?

– Да не переживай ты! Готовься к четвергу, и если все пройдет нормально и окажется, что я в тебе не ошибся, то дам я тебе денег. Прямо в четверг и получишь.

– М-ммм...

– Да ты чего мычишь-то? Тебе жить, что ли, не на что?

– Ну, не то чтобы не на что, просто я привык к тому, что каждая встреча должна носить результативный характер, понимаете, Петр?

Рогачев рассмеялся, достал из кармана ключ, открыл им сейф под столом, некоторое время задумчиво глядел на его содержимое и наконец, словно обращаясь сам к себе, задумчиво произнес:

– Деньги, деньги... А вот если бы их не было, что тогда? – и сам тут же ответил себе: – Тогда их следовало бы придумать.

Нагнулся, вытащил из сейфа несколько зеленых пачек и через стол швырнул их Гере:

– На. Купи себе майку.

Гера аккуратно собрал пачки и распихал их по карманам пиджака:

– А при чем тут майка?

Рогачев рассеянно пожал плечами:

– А черт его знает... Вроде услышал где-то. Ладно, до встречи.

Ненависть

«Вот сука, – думал Гера, медленно шагая по коридору кремлевского офиса в сторону лифта, – подвесил меня как марионетку за ниточки и теперь станет за них дергать, кукловод хренов. Причем весь кайф за мои же деньги!!! Деньги, деньги... Все только вокруг вас, и все только для вас. А вас все меньше и меньше с каждым днем. Когда не зарабатываешь, а только и делаешь, что тратишь, то хочется превратиться в консервную банку и задвинуть себя на самую темную полку в чулане, лишь бы тратить поменьше».

С этими невеселыми мыслями Герман нажал на кнопку вызова лифта, тот не спешил, видимо, кто-то вызвал его чуть раньше. Герман хотел было поискать лестницу, но в тот момент, когда он сделал несколько шагов в сторону от лифтов, то услышал, как дверь одного из них открылась, и почти сразу незнакомый голос окликнул его по имени:

– А-а-а, вот и господин Кленовский, воробей стреляный, к нам в гости пожаловал!

Гера обернулся на это странное приветствие и увидел перед собой невысокого крепкого 50-летнего мужика с седым бобриком шевелюры, с медного цвета лицом, на котором почти не было морщин. Улыбки на этом лице, которую почему-то ожидал увидеть Герман, не было, но тем не менее мужик излучал доброжелательность, и у собеседника невольно возникали позывы к непонятной, немотивированной откровенности.

– А мы разве знакомы? – ожидаемо спросил Герман.

– Ну, я-то о тебе знаю столько, что хватит выше крыши.

– Любопытно... Я думаю, о вашей профессии не стоит даже догадываться, она и так очевидна.

Генерал Петя, а это, конечно же, был он, лукаво улыбнулся:

– Ты, Гера, зря сразу как-то ершиться начал. Со мной ерш только один канает, тот, который из белой с пивом состоит, а остальных ершей я, как правило, на донку ловлю – и в уху. Ты любишь уху-то? Чтобы, значит, на природе, на речном бережку эдак вот котелок подвесить, да с удочкой, да с пузырьком холодным, а? – С этими словами генерал Петя протянул Гере свою огромную, похожую на поле для мини-футбола ладонь и представился: – Сеченов. Сразу предупреждаю – не академик и не его родственник. Собак не режу, выходит дело.

Герман попытался обхватить его ладонь, но сразу понял, что у него ничего не получится. Так что рукопожатие вышло похожим на руку, по неосмотрительности вложенную в пасть гигантского крокодила. Впрочем, крокодил оказался в добром расположении и пасть не защелкнул, так что Гера отделался лишь легкой ломотой в правой кисти.

– А имя-то у вас есть, товарищ Сеченов? – потирая ноющую кисть, спросил немного оробевший Гера.

– Петром мамка называла, с тех пор так и зовут все. Для тебя Петр, и все. Без отчества.

Собеседники вдруг словно увидели себя со стороны и поняли, что их разговор в этом храме тишины выглядит неуместным. Генерал Петя предложил:

– Так чего мы тут стоим-то? Ты небось от Рогачева идешь?

– От него.

– Ну так пойдем ко мне зайдем, если, конечно, у тебя есть время.

Гера пожал плечами:

– Если вы действительно знаете обо мне так много, то наверняка в курсе, что чего-чего, а свободного времени у меня теперь гораздо больше, чем мне того хотелось бы.

Кабинет генерала Пети находился в противоположном крыле. Вместо секретарши в приемной у Сеченова дежурил у телефонов молодой человек, до странности похожий на того, что сидел в бюро пропусков. Гере вначале даже показалось, что это именно он и есть, но долго

размышлять над этой загадкой он не стал, так как генерал Петя предложил ему кресло, сам сел в такое же рядом и откуда-то извлек забавный бронзовый колокольчик. Позвонил.

– Сам не знаю, откуда во мне этот аристократизм, – шутливо ответил Петя на вопросительный взгляд Германа и сказал вошедшему денщику: – Вань, ты давай позвони там, чтобы нам снизу закусон принесли горячий попримичнее. Рыбки там, икорки, балычку какого-нибудь, фруктов, а пока нам лимон порезанный принеси на блюдечке и сам знаешь чего еще.

Денщик щелкнул каблуками, лихо повернулся на каблуках и молча вышел. Коньяк и блюдечко все с теми же тремя кружками лимона стояли на журнальном столике спустя минуту.

Гера, увидев коньяк и поняв, к чему все идет, было взбунтовался:

– Да, Петр, да я... Да мне особо-то нельзя. Я ж только недавно на ноги встал и не поправился толком, и...

– А вот сейчас и поправишься, – прервал его генерал и, не желая больше ничего слушать, разлил коньяк по рюмкам. Коньяк генерал Петя пил по старинке из рюмок или стаканов, никаких «тюльпанов» не признавал и рюмки опрокидывал сразу, до дна. – У тебя огнестрел был не навылет, так ведь? Пей. Лучшего средства для восстановления от несквозного огнестрела еще никто не придумал...

...Гера и впрямь не пил несколько месяцев. Опасался чего-то, а вернее, боялся, что увлечется и остановить стремительно развивающийся алкоголизм уже никто не сможет, но сейчас, выпив пять-шесть рюмок коньяку, он понял, что это именно то, чего не хватало ему все это время. Коньяк согрел, во рту приятно солонило белужьей икрой, чувства и мысли пришли в полный порядок. Его собеседник не торопил и не «нагружал» беседой, словно они и вправду сидели где-то на речном берегу и, наблюдая вполглаза за плавающим неподалеку от берега поплавром, лениво перекидывались легкими фразами.

– Ну а дома как? – спрашивал генерал Петя.

– Да так все как-то, – рассеянно отвечал Гера, – штиль. Да и в жизни штиль, чего уж греха таить.

– Скучно? Не любишь, когда штиль?

– Ненавижу.

– Эх ты, сразу «ненавижу». Это сильное слово, слишком сильное. И уж если ты его произнес, то сдаётся мне, что в тебе ненависть живет большая и, видать, свежая. К кому это ты так проникся? Старые раны?

Обостренным коньячным рассудком Гера понял, что с этого вопроса их беседа приобретает некий предметный разговор, и, не в силах противиться кипевшей в нем неприязни, принялся говорить. Он жаловался генералу Пете на свою жизнь, на свою несчастную и несправедливую судьбу, на Рогачева, который вызвал его, преследуя, по мнению Геры, цель поиздеваться над ним, рассказав, что его, Геринины деньги, оказывается, находятся в целости и сохранности, но просто так возвращать он их не намерен, а собирается, по словам Геры, «поиметь его голову за его же счет». Гера привык к тому, что он сам всю жизнь объявлял другим условия, и все в нем клочкотало оттого, что он вынужден теперь унижаться перед Рогачевым и, главное, непонятно за что! Герман совершенно забыл, что еще сутки назад он подумывал о призрачной возможности найти любую работенку, согласившись, на худой конец, на должность какого-нибудь коммерческого директора ООО «Вонючка» с офисом, расположенным в здании бывшей котельной, по адресу Скотопрогонный проезд, дом пять. Но не таков был этот человек, чтобы долго раздумывать над подбором слов для благодарности господе богу, который столь щедрым жестом приоткрыл перед Герой полог сцены новых возможностей. Наш герой всегда действовал исходя из текущей ситуации, и его личным девизом было спорное сочетание «Будь голодным». Дитя системы, что с него взять? Чем больше Герман думал о Рогачеве, тем большую антипатию испытывал к своему бывшему и без пяти минут действующему шефу. «Чертов баловень судьбы. Небось думает, что схватил бога за бороду и весь мир теперь у его ног».

Распалившись, Гера и не заметил, как позволил своему внутреннему голосу перейти границу и обрести силу слова. А генерал Петя, который и во хмелю сохранял завидную ясность мысли, лишь внимательно слушал и со снисходительным видом кивал, а иногда и с жаром поддерживал своего молодого собеседника, и в конце концов Гера настолько проникся симпатией и доверием к своему непростому визави, что неосмотрительно оборонил:

– Отравить бы этого Рогачева, суку, да так, чтобы он перед смертью еще и помучился.

Генерал Петя шутливо погрозил Гере пальцем:

– Ну, ну... Всему, как говорится, свое время.

Герман уставился на него осоловевшими глазами:

– Вы... Вы тоже его не любите?

– Не перевариваю, – быстро и очень серьезно ответил Петя-Торпеда, «торпедировав» Геру, что называется, наповал. И, дабы закрепить успех своей очередной чистой вербовки, продолжил: – Он здесь чужой, понимаешь? Мы тут все люди государственные, целую жизнь у Родины на службе, не за ордена и мзду, а за совесть служим – и я, и президент, и много еще толковых мужиков. Я тебя со всеми познакомлю.

– И с президентом? – облизав сухие губы, спросил Гера.

– Ну а почему нет-то? Он хороший мужик, наш президент. А такие, как этот Рогачев, нас только компрометируют. Им государство порулить дает, так они сразу в облака возносятся, добро забывают, думают, что на этом свете все бабки решают...

– А разве не так? – перебил его Гера.

– Нет. Бабки тогда по-настоящему что-то решают, когда они вместе с властью из одного места растут и не из жопы, как у некоторых, а из плеч, от головы недалеке. А Рогачев жопой думает. Он тебе предложил что-то? – вдруг неожиданно поменял тему разговора генерал.

Гера кивнул:

– Да. Толковал про контроль над Интернетом что-то. Мол, необходимо в Сети патриотизм наращивать и лояльность к власти создавать.

– А ты к Интернету-то каким боком? – словно бы между делом осведомился генерал Петя.

– Я?! Да я в Интернете лет пять рассказы пишу! Вот жаль, что вы их не читали. А народу нравится. Ну, и знаю я там всех. Основных, так сказать, персонажей сетевых, кто уважением пользуется. Да вы знаете, сколько народу в Интернете с утра до ночи пасется? Сейчас ведь читать стало нечего, так люди эти рассказы по винтикам, по буквам разбирают, комментируют. Здесь их, конечно, и обработать можно, если технологией обладать соответствующей. Можно черт знает что делать – в Сети берегов нет.

– Ах вон оно что... Значит, тебя Рогачев решил на Интернет бросить?

– Да «бросить» – это громко сказано. Должности не дает, а сулит мне мои же деньги назад и намекает еще на какие-то миражи в Каракумах. Бизнес-план требует через два дня предоставить, а я так не могу, понимаете?! Я должен мотивацию знать, у меня без нее на работу не стоит.

– Понимаю, – участливо поддержал его генерал Петя, понимая, что именно сейчас для него, старого ковбоя, настал тот самый момент, когда лучше всего набросить на жертву лассо, чтобы наверняка. – Ты, Герман, не переживай так. Я вот что тебе скажу: ты хороший парень, без всяких там эквивоков тебе говорю. У тебя все получится, какие твои годы. Здесь у нас, как и везде, кухня своя, особенная, и если ты на этой кухне хочешь жрать вкусно, то придется вначале чутка картошку почистить – это я тебе так, по-солдатски говорю, без блядства вашего гламурного. Давай с тобой договоримся вот о чем: ты готовься к совещанию, я тоже приду тебя послушать. А еще знаешь... Лучше тебе со мной подружиться. Согласен?

Гера, который почувствовал в воздухе долгожданную авантюру с привкусом больших денег, почти протрезвел от радости, но виду не подал и, напустив на себя вид пресытившегося скукой человека, парировал:

– А есть ли в этом необходимость?

Генерал Петя поднял правую густую бровь и сказал в унисон:

– Хочешь на гору? Другого подъемника, кроме меня, тебе не найти. Рогачев все твои мысли присвоит – он, как говорят в творческих кругах, «прирожденный соавтор», а ты так и останешься на правах одноразовой прокладки. Станешь делиться со мной, и я обещаю тебе место в администрации.

– Где-е?!!

– Здесь, в администрации. Ну что? Согласен теперь? – Генерал протянул Гере руку.

– Согласен. – Гера растопырил пальцы, чтобы хоть как-то смягчить последствия столкновения с медвежьей лапой Торпеды. – Только как же Рогачев-то? А если он узнает? У него ко мне доверия и так меньше нуля, как говорится.

– Так это самое интересное. Постарайся вернуть свои позиции обратно, выслужись, и когда он расслабится и перестанет ожидать с твоей стороны сюрпризов, то... мы с тобой что-нибудь придумаем. Договорились?

– Договорились. Только насчет «вернуть позиции» не знаю я... Он олигарх, прожженный матерый волк, он людей до сердца видит.

– Так и ты не агнец божий. Так что попробовать нужно. Согласен? Вот и хорошо. Тогда до встречи в четверг. Да, чуть не забыл – вот тебе все мои телефоны, адрес почты, в общем, все как положено. Будем связь держать, а встречаться нам с тобой здесь ни к чему. Я скажу, где лучше, но чуть позже.

Генерал Петя позвонил в свой колокольчик, вошел денщик:

– Мою машину к подъезду, пусть парня домой отвезут, только с черного хода его проведите, чтобы не видел никто. – Проводил глазами спину денщика и обратился к Гере: – Я-то во всех этих современных штучках-дрючках не разбираюсь, но ты, когда свой доклад готовить станешь, на «Живой Журнал» внимание обрати.

– На какой журнал?

– На живой. Его американцы придумали – хорошая штука, что-то вроде личного дневника, который доступен всем. У меня и то есть такой.

Гера лишь молча поклонился и вышел. Вплоть до самой дороги к дому его не покидало ощущение, схожее с которым испытывает рыбак, неожиданно вытащивший из моря кувшин с Хоттабычем внутри.

Придя домой, он поцеловал Настю и уселся за компьютер. Настя, уловившая запах спиртного, скривилась и саркастически спросила:

– Что, возвращаешься к жизни?

Герман вдруг ощутил в глубине души то же самое чувство, которое не раз уже в течение сегодняшнего дня заставляло его быстро «возвращаться в форму», – чувство страшной, нечеловеческой ненависти, которая множилась внутри него, становясь все сильнее и сильнее. В конце концов, он знал это по себе, поток ненависти должен был прорваться наружу, и вся эта дикая злоба должна была выплеснуться на кого-то в полном объеме. Ему стоило огромных усилий не вылить на Настю этот яд, тем более что однажды он уже позволил себе дать волю своей ненависти, и лишь чудо вновь соединило его с женой. Поэтому вместо ответа Гера встал с места, достал из ящика фотоаппарат, треногу, установил ее на полу и сверху прикрутил фотоаппарат. Нажал на замедлитель:

– Настя, садись на стул вот сюда.

– А что это ты придумал?

– Я вдруг вспомнил, что у меня в бумажнике нет твоей фотографии. Именно твоей. Последнее время это было не актуально, а теперь я в бумажник буду заглядывать почаще и, значит, чаще буду тебя видеть.

Настя улыбнулась. Видно было, что она простила мужу это возвращение под хмельком. Она села на стул.

– А ты?

– Да я-то при чем?

– Нет-нет, давай тогда вместе. И Алешку я бы тоже принесла. Хотя он спит...

Гера нехотя занял место рядом с женой, и в этот самый момент фотоаппарат «крякнул».

– Готово. Теперь распечатаем.

На фотографии Настя вышла очень хорошо, а лицо Геры было каким-то темным и смазанным. В этот момент из соседней комнаты донесся недовольный вопль малыша, и Настя убежала укачивать сына. Гера взял ножницы, отрезал от фотографии половину со своим изображением, скомкал и бросил в урну, а Настин портрет положил в отделение бумажника под прозрачную пленку.

– Чтобы не расставаться нам никогда, – вслух произнес Гера.

Объяснить свой поступок он не мог, да и не собирался забивать себе голову лишними мыслями. Иногда некоторые вещи происходят спонтанно, а иногда они просто результат спора двух фей: злой и доброй, которым ведомо то, что будет. Добрая фея знала, что Герману предстоит все то, о чем поведаст эта история, и была не в силах помешать злой фее, готовящейся обрести облик земной женщины, однако сумела, заставила Геру положить в свой бумажник оберег – фотографию жены. Больше добрая фея, сколько ни пыталась, сделать ничего так и не смогла.

Часть II «New Media Diamonds» представляет

Fuck

Когда же все это началось?..

Пожалуй, в последние годы XX века, когда на смену чисто конкретным пилорамам в малиново-канареечных костюмах явилась слабая, бледно-зеленая из-за паршивого фотосинтеза поросль, проросшая на отвалах новейшей российской истории и питавшаяся исключительно цинизмом. Цинизм – вот то единственное, что усваивала пищеварительная система юнцов, успевших уже к этому времени ухватить последние годы фарцы, которая канула в Лету с приходом кооперативно-политических горбачизмов и ельцинизмов. В лихие времена подъездных расстрелов и гангстерских перестрелок, приватизаций и демонстраций молодая фарца была лишь наблюдателем. Впрочем, и выводы для себя она делала такие, чтобы «навсегда». Сама себя учила своей же морали, а попутно ходила на лекции в свои институты и в свободное время бралась за книгу. Время перехода из двадцатого в следующее столетие совпало с переходом от старого доброго дремлющего в собственной немощи традиционного уклада, который еще и под конец своей жизни пытался производить что-то приличное и вполне интересное, к времени пустому и шуршащему. Жить становилось все неинтереснее потому, что жизни учат книги, а хороших книг, тех, что могли хоть чему-то научить, становилось все меньше и меньше, и вот их не стало совсем. И если сменившие, но ни в коем случае не заменившие их бесчисленные романы о тех же гангстерских перестрелках смогли удовлетворить тех, кто взялся их читать, оставляя на жестких сиденьях электричек прочитанный замусоленный pocket book с тем, чтобы взять себе такой же, лежащий рядом, то фарца, считающая себя авангардом современности, с таким положением вещей мириться не собиралась. И вот отправной точкой новой культуры, которую цинично воспитанные бунтари немедленно озвездили как «контркультура», явилось модное и повседневно употребляемое кватролитерное словечко FUCK. Все откуда-то произошло: Вселенная из взрыва, курица из яйца, долговая тюрьма из процентов, а контркультура произошла из «фака», он ее породил с помощью своего адепта, известного паспортному столу под именем Георгий Лавриков, а в кругу золотой молодежи носящего прозвище Франко Неро. Приводить здесь полную биографию этого залетевшего на наш огонек от нездешних болот мотылька мы не станем, а скажем лишь, что Жора Лавриков был сыном одного большого жулика, пережившего в России пять или шесть покушений и от греха подальше переехавшего на ПМЖ куда-то в Западную Европу. Сам Жора проживал в бывшем родительском доме на том самом шоссе, которое чаще перекрывают для некоторых, чем едут по нему все остальные. Парнем он был, мягко говоря, умным и влюбился в Интернет сразу, лишь стоило ему с ним познакомиться. Столь сильное чувство у Жоры появилось оттого, что он сразу поверил в потенциал Интернета, в возможность делать с его помощью деньги, и Лавриков принялся торить в Сети пионерскую тропу. Делал сайты для банков, которые ломались от черного «наличмана» и расплачивались с Жорой им же, ввинтился в предвыборный штаб одного авторитетного кавказского предпринимателя с тонким орлиным носом, любителя лихой езды на красной «Феррари» в сопровождении кавалькады «джигитов-охранников», и провел для того предвыборную кампанию в Сети, каковая, к огромному счастью, с треском провалилась. И много еще чего выкачал Жора из маленькой кнопочки «Е» на экране компьютерного монитора. Наконец Жора придумал нечто совершенно новое, чего еще и в помине не было. Рассудив, что многие поражены неизлечимой графоманией, развившейся на почве нехватки интересной литературы,

а иногда среди огромного числа графоманов нет-нет да и встретится настоящий талант, Лавриков и сам, будучи графоманом-любителем, зарегистрировал сайт под нехитрым названием «fuck», который за считанные дни стал одним из самых популярных мест для сбора тех, кто пытался что-то написать, и тех, кто все это читал и критиковал прочитанное.

Слухи о том, что можно бесплатно и, главное, без цензуры разместить в Сети для всеобщего обозрения любую собственную мысль, облекши ее в форму небольшого повествования, расплозились с колоссальной скоростью. Вскоре почти во всех российских офисах не осталось ни одного человека, кто не знал бы о существовании Жорина сайта. В день тысячи людей, улучив на работе свободную минутку, набирали заветные буквы «fuck» и спустя мгновение переставали быть самими собой. На смену Оле, Маше, Пете и Денису приходили Херба, Степан Ублюдков, Мандаринка и Алкей Швеллер. Эти странные псевдонимы с неясными на первый взгляд производными именовались никами, и под этими самыми никами офисный народец, называемый «планктоном», отрывался на всю катушку. Каждый мог написать что угодно о своем идиоте-начальнике, да и просто о ком угодно: анонимность развязывала фантазию, а с нею и языки. Движение стремительно набирало обороты, появились свои любимые авторы, просто известные персонажи, и одним из них стал некто Миша с ником Змей.

У Жоры Лаврикова была одна, вне всякого сомнения достойная любого творческого индивидуума, черта: он никогда не доводил ничего до конца. Вот и «fuck» надоел ему, словно старая игрушка избалованному ребенку. К тому же после столь провально проведенной предвыборной кампании авторитетного кавказского предпринимателя, за время которой на счетах Жоры отложилось что-то около восьми миллионов долларов, он решил, что слишком хорош для России. Его жена Лурдес, Лурдита – красавица из Коста-Рики, каким-то чудом попавшая в московский модельный бизнес, по ее собственному выражению, «замерзла». Именно так она однажды и заявила Жоре, что называется, в лоб прямо с утра, когда тот с трудом разлепил воспаленные от ночного бдения за компьютером веки:

– Жорес, – так она называла его на испанский манер, – я очень замерзла здесь и не хочу больше жить в твоей стране. Я хочу уехать, вернуться к себе, в свою маленькую теплую Коста-Рику, где нет снега в мае, где, черт меня возьми, вовсе нет никакого снега!!! Я южный цветочек, понимаешь, а здесь я могу жить только в оранжерее, иначе я просто завяну раньше времени и стану такой же блеклой и невзрачной, как все ваши бабы!

– С чего это ты взяла, что наши бабы блеклые и невзрачные?! – начал было возражать Жора, но Лурдита пресекла его негодование простой фразой, брошенной ею усталым и делано безразличным тоном в стиле себе под нос:

– Ну, женился-то ты на мне.

На это Жора не нашел ответа и, выйдя на кухню, приоткрыл окно, выходящее в сад. За окном стояли белые искристые стволы, за окном было все, кроме солнца и тепла, и где-то там, очень далеко, так что этого никак было не увидеть, авторитетный кавказский предприниматель точил свой племенной кинжал, пробуя ногтем лезвие. При воспоминании о предпринимателе и его кинжале Жора поежился, закрыл окно, нервно закурил, удерживая сигарету в трясущихся пальцах, и позвонил Змею:

– Мишка, я сваливаю.

– Э-э-э, не понял... Куда это ты, Неро?

– Неважно. Я замерз и, чтобы не окоченеть на веки вечные, покидаю берега нашей родины.

– Ну, в добрый путь, как говорится, – равнодушно напутствовал Змей, недолюбливающий Жору за его капиталы и лидерство.

– Змей, я только об одном тебя прошу: ты движуху сохрани, ладно? Придет время, и она для тебя хорошую службу сослужит, наживешь с нее, понял?

– Не волнуйся, не глупее тебя, – усмехнулся хитрый Змей и бросил трубку.

Жора продал дом, квартиру на Кутузовском, все свои автомобили, которых у него было не то пять, не то восемь, и все из серии «Ой, гляди, вот классная тачка!», и навсегда покинул Россию. За последние несколько дней до отъезда Жора поочередно встретился со всеми своими московскими и питерскими знакомыми и как бы между делом взял у них в долг, под честное слово «так, по мелочи». Зачем делал это, он, пожалуй, и сам не смог бы объяснить, но итоговая сумма оказалась значительной. Сам Билл Гейтс не отнесся бы к ней с безразличием. В Коста-Рике он не смог найти себя и пристрастился к местному очень качественному и при этом очень дешевому кокаину. Иногда Жора выходит в Интернет под ником Кокаиновый Рантье и от первого лица пишет байки из жизни миллионеров. И когда некоторые из его бывших друзей напоминают, что «должок платежом красен», Жора принимается сквернословить и вообще ведет себя оскорбительно. Такой вот «типус» стоял у истоков появления контркультуры в нашей интересной стране, еще раз подтвердив постулат: «В России есть все!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.